

18+

Тана Френч Фейтфул- Плейс

роман

Тайны Таны Френч подобны большим старым деревьям: чем глубже их корни, тем роскошнее листва, что шелестит над вами.

THE NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Тана Френч Фейтфул-Плейс

Серия «Дублинский отдел убийств»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67589420

Фейтфул-Плейс: Фантом Пресс; Москва; 2022

ISBN 978-5-86471-897-1

Аннотация

В 1985 году Фрэнку Мэкки было девятнадцать, он мечтал сбежать из тесной квартиры своей безумной семьи на Фейтфул-Плейс и вместе со своей девушкой Рози перебраться из Дублина в Лондон. Но Рози в ночь, на которую юные влюбленные запланировали побег в новую жизнь, не пришла на место встречи. Спустя двадцать два года Фрэнк – один из лучших детективов полиции Дублина. И однажды в заброшенном доме на Фейтфул-Плейс строители находят старенький чемодан, находка указывает на то, что исчезновение Рози, возможно, объясняется вовсе не ее бегством. Нравится это Фрэнку или нет, но он вынужден вернуться в район, где родился и вырос, к родным, от которых так старался держаться подальше.

Содержание

Пролог	5
1	8
2	30
3	63
4	95
5	110
6	139
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Тана Френч Фейтфул-Плейс

Посвящается Алексу

FAITHFUL PLACE by TANA FRENCH

Copyright © 2010 by Tana French

Публикуется при содействии *Darley Anderson Literary, TV
& Film Agency* и *The Van Lear Agency*

© Любовь Карцивадзе, перевод, 2022

© “Фантом Пресс”, издание, 2022

Пролог

Ход нашей жизни определяют считанные мгновения. Примечаешь их обычно задним числом, когда они давно пролетели: миг, когда решаешь заговорить с девчонкой, притормозить на крутом повороте, не полениться и найти презерватив. Мне, можно сказать, повезло: один из таких моментов я увидел и распознал. Я ощутил, как меня затягивает бурный водоворот жизни, темной зимней ночью на улице Фейтфул-Плейс. Мне было девятнадцать лет – достаточно взрослый, чтобы покорять мир, и достаточно молодой, чтобы решиться на любую глупость, – и в ту ночь, стоило обоим моим братьям захрапеть, я выскользнул из нашей спальни с рюкзаком за плечами и “мартенсами” в руке. Скрипнула половица, в комнате девочек что-то пробормотала во сне одна из сестер, но я, неуязвимый и неудержимый, словно оседлал волну: когда я прокрался по гостиной на расстоянии вытянутой руки от спящих на раскладном диване родителей, те даже не заворочались. Красные угли в камине едва тлели. В рюкзаке лежали мои самые ценные пожитки: джинсы, футболки, поддержанный приемник, сотня фунтов и свидетельство о рождении. В ту пору для переезда в Англию большего не требовалось. Билеты на паром были у Розы.

Я ждал ее в конце улицы, поодаль от размыто-желтого круга света под фонарем. Холодный как стекло воздух пря-

но папахивал горелым хмелем из гиннесовской пивоварни. Ноги грели три пары носков внутри “мартенсов”, и я стоял, сунув руки глубоко в карманы немецкой армейской куртки, в последний раз прислушиваясь к дыханию своей улицы, плывущей в долгих потоках ночи. “Эй, кто тебе разрешил...” – рассмеялась какая-то женщина, хлопнуло окно. В кирпичной стене скреблась крыса, кашлял мужчина, за углом промчался мотоцикл, в подвале дома четырнадцать глухо, злобно заворчал Псих Джонни Мэлоун, убаюкивая сам себя. Слышались любовные шорохи, приглушенные стоны, ритмичные толчки. Мне вспомнилось, как пахнет шея Розы, и я улыбнулся небу. Раздался перезвон городских колоколов – на звонницах церковью Христа, Святого Патрика, Святого Михаила отбивали полночь, громкие округлые звуки падали с небес, словно в праздник, отзванивая наш личный тайный Новый год.

Когда пробило час, мне стало страшно. С задних дворов донеслись слабые шорохи, шаги, и я с готовностью выпрямился, но она так и не перелезла через стену ограды – наверное, кто-то припозднился и виновато пробирался домой через окно. В доме семь тоненько, безутешно плакал очередной младенец Салли Хирн, пока та не проснулась и не начала его баюкать: “Я знаю, куда иду... Прекрасны расписные залы...”

Когда пробило два, меня как обухом по голове стукнуло: перепутал место встречи! Меня катапультировало через

ограду напрямком в сад дома шестнадцать. Немало ребят потеряли невинность в этом заброшенном еще до моего рождения, заваленном пивными банками и окурками доме, который мы, дети, оккупировали вопреки всем запретам взрослых. Я взлетел по прогнившей лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки, – плевать, если кто-то услышит. Я уже так и видел Розы – растрепанные медно-рыжие кудряшки, руки в боки: “Твою мать! Где тебя носило?”

Расщепленные половицы, дыры в шпаклевке от ударов кулаков, мусор, холодные темные сквозняки – и никого. Записку я нашел в комнате наверху, вырванная из школьной тетради страница колыхалась в прямоугольнике тусклого света из окна и, казалось, пролежала на голом полу сотню лет. Тогда-то я и почувствовал, как еще недавно попутное течение переменялось, стало смертельным, непреодолимым.

Я не забрал записку с собой. Уходя из дома шестнадцать, я знал ее наизусть – и всю дальнейшую жизнь пытался ей поверить. Оставив бумажку на полу, я вернулся в темный конец улицы и дожидался там, наблюдая за попадающим под свет фонаря паром своего дыхания, пока колокола не отбили три, потом четыре, потом пять. Ночь выцвела до бледной безрадостной серости, за углом тележка молочника прогромыхла по брусчатке в сторону фермы, а я все ждал Розы Дейли на Фейтфул-Плейс.

1

По мнению моего отца, мужчина должен знать, за что он готов умереть. *Если не знаешь, то чего ты стоишь? Грош тебе цена. Ты вообще не мужик.* Мне тогда было тринадцать, а он на три четверти уговорил бутылку скотча “Гордонз”, и все-таки поболтали мы славно. Насколько я помню, он готов был отдать жизнь: а) за Ирландию; б) за свою десять лет как преставившуюся мать и в) за то, чтоб проучить эту суку Мэгги Тэтчер.

Как бы там ни было, с того дня я мог одним духом сказать, за что готов умереть. Поначалу было просто: за свою семью, девушку, дом. Потом все до поры усложнилось. В последнее время моя жизнь устаканилась, и мне это нравится; пожалуй, я даже вправе этим гордиться. Я готов умереть (в произвольном порядке) за свой город, свою работу и своего ребенка.

Ребенок пока ведет себя неплохо, город – Дублин, а работаю я в отделе операций под прикрытием, и что из этого меня погубит, может показаться очевидным, однако работа давно не подкидывала мне ничего страшнее сраной писанины. Страна у нас маленькая, а значит, коротка и карьера агента: две, от силы четыре операции – и риск, что тебя раскроют, слишком возрастает. Свои девять жизней я давным-давно потратил. Нынче я ушел со сцены и операциями только руковожу.

В Прикрытиях – как в полевой работе, так и за кадром – главная опасность в том, что, живя в созданной иллюзии слишком долго, начинаешь думать, будто у тебя все под контролем. Легко вообразить себя эдаким гипнотизером, мастером миражей, ловкачом, который владеет тайнами ремесла и умеет отличить реальность от морока. На деле же ты обыкновенный простака с отвисшей челюстью. Как ни крути, мир всегда тебя обыграет – он хитрее, быстрее и куда более жесток. Остается только держать лицо, знать свои слабости и постоянно ждать удара исподтишка.

Второй раз жизнь нанесла мне такой удар в пятницу в начале декабря. Днем я латал очередной мираж – один из моих парней (не видать ему в рождественском чулке подарков от дяди Фрэнка) влип в историю и в силу мудреных причин должен был предъявить паре барыг какую-нибудь пожилую даму в качестве своей бабули, – а вечером поехал к бывшей жене в Далки, чтобы забрать ребенка на выходные. Оливия и Холли живут в наман¹ икюренном пригороде, в изысканном до умопомрачения таунхаусе. Дом нам с Оливией подарил на свадьбу ее отец. Когда мы туда вселились, на доме вместо номера красовалось название. От названия я быстро избавился, однако уже тогда надо было сообразить, что брак наш долго не протянет. Узнай мои родители, что я женюсь, ма влезла бы по уши в долги, купила бы нам мягкую мебель в цветочек и настрого запретила снимать пластиковые чехлы

¹ Богатый прибрежный пригород Дублина. – Здесь и далее примеч. перев. и ред.

с подушек.

Оливия заняла оборону аккуратно посреди дверного проема – на случай, если я вздумаю войти.

– Холли почти собралась, – сказала она.

Положа руку на сердце, с гордостью и сожалением говорю: Оливия – сногшибательная красотка, высокая, с узким точеным лицом, копной мягких пепельных волос и сдержанными формами, которые, стоит их разглядеть, застыт весь белый свет. В тот вечер она надела дорогое черное платье, тонкие колготки и бабушкино бриллиантовое кольцо, приберегаемое для особых случаев, – сам папа римский утер бы взмокший лоб пилеолусом. По части благовоспитанности до понтифика мне далеко, и я восхищенно присвистнул:

– Важное свидание?

– Мы идем на ужин.

– “Мы” – значит, опять с Дерьми?

Оливия слишком умна, ее так просто из себя не вывести:

– Его зовут Дермот, и да, с ним.

– А ведь он четвертую неделю тебя выгуливает, верно? – впечатлился я. – Скажи-ка, уж не готовится ли нынче Главный Вечер?

Оливия повернулась к лестнице:

– Холли! Твой отец приехал!

Улучив момент, я протиснулся мимо нее в прихожую, и на меня повеяло “Шанель № 5” – этими духами она пользовалась, сколько я ее знаю.

– Папочка! – донеслось сверху. – Иду-иду-иду! Я только... – И Холли что-то увлеченно залопотала, нимало не забываясь, слышно ее или нет.

– Не спеши, солнышко! – крикнул я по пути в кухню. Оливия следовала за мной.

– Дермот с минуты на минуту будет здесь.

Я не понял, угрожает она или оправдывается.

– Не нравится мне морда этого парня. У него нет подбородка. Никогда не доверял мужикам без подбородка.

Я распахнул дверцу холодильника и заглянул внутрь.

– Что ж, к счастью, твой вкус на мужчин никого тут не волнует.

– Если у вас все серьезно, он будет постоянно отираться рядом с Холли. Напомни, как его фамилия?

Однажды, когда дело у нас уже шло к разводу, Оливия ша-рахнула дверцей холодильника мне по голове. Видно было, что сейчас ее так и тянуло повторить. Я продолжал стоять, нагнувшись, чтобы ей было сподручней, но она сдержалась:

– Зачем тебе?

– Пробью его по базе. – Я достал пакет апельсинового сока и взболтал: – Что это за хрень? Когда ты перестала покупать нормальные продукты?

Оливия поджала чуть подкрашенные губы:

– Фрэнк, не смей пробивать Дермота ни по какой базе.

– У меня нет выбора, – бодро сказал я. – Надо ведь убедиться, что он не педофил!

– Господи, Фрэнк! Он не...

– Может, и нет, – признал я. – *Вероятно*, нет. Но, Лив, на-
верняка-то ты не знаешь. Лучше проверить, чем потом жа-
леть.

Я открыл сок и сделал большой глоток.

– Холли! – повысила голос Оливия. – Поторопись!

– Я не могу найти лошадку! – Сверху послышался топот.

– Они вечно подкатывают к матерям-одиночкам с милы-
ми детишками, – сказал я. – И удивительно то, что у боль-
шинства из них нет подбородка. Никогда не замечала?

– Нет, Фрэнк, не замечала. И я не хочу, чтобы ты пользо-
вался служебным положением, чтобы запугивать...

– Присмотрись, когда по телику очередного педа покажут:
всегда белый фургон и никакого подбородка, гарантирую.
Что за тачку водит Дерьми?

– *Холли!*

Я отхлебнул еще сока, вытер горлышко рукавом и сунул
пакет обратно в холодильник:

– На вкус как кошачья моча. Если я алименты увеличу,
сможешь на приличный сок раскошелиться?

– Будто тебе это по карману, – с нежным холодком сказала
Оливия и глянула на часы. – Если утроишь, может, и хватит
на пакет в неделю.

Если долго дергать кошку за хвост, она выпустит коготки.
Нас спасла пулей выскочившая из своей комнаты Холли.

– Папа-папа-папа! – что было мочи вопила она.

Я подошел к подножию лестницы как раз вовремя: Холли вертящейся петардой скатилась в мои объятия в облаке спутанных золотистых волос и розовых искр, обвила меня ногами и стукнула по спине школьным рюкзаком и выдавшей лучшие деньки пушистой пони по имени Клара.

– Здорово, мармозетка, – сказал я, чмокнув дочь в макушку. Холли была легкой, как фея. – Как неделя прошла?

– Дел по горло, и я тебе не мармозетка, – сурово сказала она, держась со мной нос к носу. – А что такое мармозетка?

Холли девять лет, она тоненькая, ранимая и как две капли воды похожа на родню с материнской стороны; мы-то, Мэкки, крепкие, толстокожие, с жесткими волосами, рождены для тяжелого труда в дублинском климате. Только глаза у нее не как у матери. Когда я впервые ее увидел, она уставилась на меня моими собственными глазами – два огромных синих озера, поразивших меня почище электрошокера. До сих пор от них у меня сердце начинает заходиться. Пускай Оливия и соскребла с себя мою фамилию, как устаревший адресный ярлык, забивает холодильник соком, от которого меня воротит, и приглашает Педофила Дерьми на мою половину кровати, но от этих глаз ей никуда не деться.

– Это волшебная фея-обезьянка, которая живет в зачарованном лесу, – сказал я.

Холли бросила на меня взгляд, в котором читалось одновременно “ух ты” и “ври больше”.

– И чем же ты так занята?

Дочка соскользнула с меня и со стуком приземлилась на пол.

– Мы с Хлоей и Сарой заводим собственную группу. Я нарисовала тебе картинку в школе, потому что мы придумали танец, и можно мне белые сапожки? И Сара написала песню, а еще...

В какой-то миг мы с Оливией чуть не улыбнулись друг другу поверх ее головы, но Оливия вовремя опомнилась и снова посмотрела на часы.

На подъездной дорожке мы столкнулись с моим приятелем Дерьми – образцово законопослушным парнем, который ни разу даже не припарковал свою “ауди” на двойной сплошной (это я знаю наверняка, потому что пробил его номера, еще когда он впервые ужинал с Оливией) и вовсе не виноват, что выглядит так, будто вот-вот рыгнет.

– Добрый вечер. – Он кивнул судорожно, как если бы его поджаривали на электрическом стуле. – Привет, Холли.

– Как ты его называешь? – спросил я Холли, пристегнув ее в детском кресле; тем временем прекрасная, как Грейс Келли, Оливия целовала Дерьми в щеку на пороге.

Холли пригладила гриву Клары и дернула плечами:

– Мама хочет, чтобы я звала его “дядя Дермот”.

– А ты что?

– Вслух никак не называю. А про себя зову Осьмирожей. – Она глянула в зеркало заднего вида, проверяя, не попадет ли ей за это прозвище, и приготовилась строптиво выпятить

подбородок.

– Прекрасно! Да ты вся в меня! – рассмеялся я и, не сняв машину с ручника, с ревом развернулся. Оливия и Осьми-рожа так и подскочили.

* * *

С тех пор как Оливия образумилась и вышибла меня из особняка, я живу в огромном многоквартирном доме на набережной, который был построен в девяностые, судя по всему, не кем иным, как Дэвидом Линчем. Ковры здесь такие пушистые, что напрочь заглушают шаги, зато, как вокруг гудят пять сотен мозгов, слышно даже в четыре утра – это мечтают, надеются, тревожатся, планируют и думают жильцы. Я вырос в захудалом многоквартирнике и, казалось, могу привыкнуть даже к жизни на птицефабрике, но тут другое. Всех этих людей я не знаю, даже не вижу никогда. Понятия не имею, как и когда они приходят и уходят. Почему знать, может, они вообще дом не покидают, забаррикадировались в своих квартирах и ворочают мозгами. Даже во сне я краем уха прислушиваюсь к этому гудению, готовый выпрыгнуть из постели и защитить свою территорию.

Мой личный уголок Твин Пикса обставлен в стиле “шик разведенца”: я живу здесь уже четыре года, а квартира по-прежнему выглядит так, будто фургон для перевозки мебели еще не прикатил. Исключение составляет разве что комна-

та Холли, загроможденная пастельных оттенков пушистыми штучковинами, какие только известны человечеству. В день, когда мы с дочерью отправились выбирать мебель, я наконец вырвал у Оливии одни выходные в месяц и готов был скупить для Холли все три этажа торгового центра. Я-то почти уверился, что никогда больше ее не увижу.

– Чем завтра займемся? – осведомилась дочка, волоча Клару за ногу по устланному ковром коридору. Еще недавно она бы визжала как резаная при одной мысли, что лошадка коснется пола. Моргнуть не успеешь, как все меняется.

– Помнишь, я тебе воздушного змея подарил? Если сегодня доделаешь всю домашку, а завтра не будет дождя, пойдем в Феникс-парк и я научу тебя его запускать.

– А Саре можно пойти?

– После ужина позвоним ее маме.

Родители дочкиных подружек во мне души не чают. Апогей родительской сознательности – отправить чадо в парк под надзором детектива.

– Закажем на ужин пиццу?

– А как же, – сказал я.

Образ жизни Оливии запрещает любые пищевые добавки – исключительно органический, богатый клетчаткой провиант, и если я не послужу противовесом, дочь вырастет вдвое здоровей всех своих подруг и будет чувствовать себя белой вороной.

– Почему бы и нет? – добавил я, отпер дверь и получил

первый намек на то, что пиццы нам с Холли сегодня не видать.

Огонек автоответчика мигал как бешеный. Пять пропущенных звонков. По работе мне звонят на мобильник, оперативники и информаторы – на другой мобильник, приятели в курсе, что рано или поздно встретят меня в пабе, а Оливия, когда общения не избежать, присылает эсэмэски. Оставалась только семья, то бишь моя младшая сестра Джеки, – последние лет двадцать я разговаривал только с ней. Пять звонков – неужто при смерти кто-то из родителей?

– Держи, – сказал я Холли и протянул ей ноутбук. – Отнеси к себе в комнату и побеси в мессенджерах подруг. Я подойду через пару минут.

Холли скептически глянула на меня – она отлично усвоила, что заходить в интернет без присмотра ей запрещено до двадцати одного года.

– Пап, если хочешь сигаретку, – взрослым тоном заявила она, – можешь просто выйти на балкон. Я знаю, что ты куришь.

Я положил ладонь Холли на спину и подтолкнул ее в сторону детской:

– Да ну? С чего ты взяла?

В любое другое время мне стало бы не на шутку любопытно: я никогда не курил при Холли, а Оливия меня бы не заложила. Мы растили Холли вместе, и я ума не приложу, откуда в ее голове берется то, чего мы туда не вкладывали.

– Знаю, и все, – с величественным видом сказала Холли, бросив на кровать Клару и рюкзак. Быть девчужке детективом. – Курить вредно. Сестра Мария Тереза говорит, от этого внутренности чернеют.

– Сестра Мария Тереза совершенно права. Умная женщина. – Я врубил ноутбук и подключился к интернету: – Вот. Мне надо позвонить. Только не покупай бриллианты на “Ибэй”.

– Будешь звонить подружке? – спросила Холли.

Крошечная, мудрая не по годам, в белом пуховике до середины тощих ножек, Холли изо всех сил старалась не выдать испуг в широко распахнутых глазах.

– Нет, – сказал я. – Нет, солнышко. У меня нет подружки.

– Клянешься?

– Клянусь. И в ближайшее время никого заводить не собираюсь. Может, сама кого-нибудь мне подберешь через пару лет. Согласна?

– Хочу, чтобы мама была твоей подружкой.

– Да, знаю, – сказал я и на секунду положил ладонь на затылок дочери; волосы у нее были мягкие, как лепестки. Потом закрыл за собой дверь и вернулся в гостиную – выяснить, кто умер.

Сообщения действительно оставила Джеки, и она тараторила, как скорый поезд. Плохой знак – с хорошими новостями Джеки притормаживает (*Никогда не угадаешь, что случилось. Ну же, попробуй угадать!*), а с плохими выжимает

по полной. Сейчас она неслась болидом “Формулы-1”.

“Господи, Фрэнсис, да возьми ты сволочную трубку, надо поговорить, я ж не для смеха звоню! Не пугайся, это не мамочка, боже упаси, она в порядке, в шоке немножко, ну да мы все в шоке, у нее сначала пальпитация была, но она посидела, Кармела налила ей бренди, и теперь она в порядке, да, мам? Слава богу, Кармела была тут, она обычно заходит по пятницам после магазинов, она позвонила мне и Кевину, чтоб мы пришли. Шай сказал тебе не звонить, говорит, с какого перепуга, а я говорю, отвали, ты вправе знать, в общем, если ты дома, может, возьмешь уже трубку и поговорим? Фрэнсис! Богом клянусь...” Тут сигнал возвестил, что максимальная продолжительность сообщения закончилась.

Кармела, и Кевин, и Шай... Обалдеть. Похоже, к родителям нагрянуло все семейство. Значит, па, больше некому...

– Папуль! – позвала из детской Холли. – Сколько сигарет ты куришь в день?

Дама из автоответчика велела мне нажать на какие-то кнопки; я повиновался.

– Кто сказал, что я курю?

– Мне надо *знать*! Двадцать?

Это для начала.

– Наверное.

Снова Джеки: “Сволочные автоответчики, я не закончила! Короче, надо было сразу сказать, это не па, он как обычно; никто не умер, не пострадал, ничего такого – мы все в по-

рядке. Кевин немножко расстроился, но, по-моему, он просто волнуется, как ты отреагируешь, сам знаешь, он до сих пор тебя ужасно любит. Фрэнсис, может, это ерунда, так что не психуй, ладно? Может, кто-нибудь просто прикалывается, мы так сперва и подумали, хотя шутка говенная, извиняюсь за мой французский...”

– Пап! Как часто ты делаешь упражнения?

Какого хрена?

– Я тайный балерун.

– Не-е-ет, я серьезно! Как часто?

– Недостаточно.

“... и, ясное дело, никто из нас понятия не имеет, что с этим делать, так что перезвони, как только послушаешь сообщение, ладно? Пожалуйста, Фрэнсис. Я теперь мобильник из рук не выпущу”.

Щелчок, гудок, малышка из автоответчика. Тут бы мне уже сообразить, в чем дело, хоть в общих чертах.

– Пап! Сколько фруктов и овощей ты ешь?

– Вагон.

– Врешь!

– Не много.

Три следующих сообщения, которые Джеки оставляла каждые полчаса, были из той же оперы. Под конец она перешла на ультразвук, так что слышать ее могли только маленькие собачки.

– Папа!

– Секунду, милая.

Я вышел с мобильником на балкон, нависающий над темной рекой, масляно-оранжевыми фонарями и гудящими пробками, и перезвонил Джеки. Та ответила с первого гудка:

– Фрэнсис? Иисус, Мария и Иосиф, я чуть с ума не сошла! Где ты пропадал? – Скорость она сбросила миль до восьмидесяти в час.

– Забирал Холли. Джеки, что стряслось?

Фоновый шум. Столько лет прошло, а я мигом узнал ехидный тон Шая. От звука материнского голоса у меня сжалось горло.

– О господи, Фрэнсис... Ты бы присел, налил себе стаканчик бренди и все такое, ладно?

– Джеки, если ты не скажешь мне, что происходит, клянусь, я приеду и придушу тебя.

– погоди, придержи коней... (Звук закрывающейся двери.) Так, – сказала Джеки во внезапной тишине. – Короче. Помнишь, я давно еще тебе рассказывала, что какой-то тип купил три дома в конце Фейтфул-Плейс? Чтобы в квартиры превратить?

– Ну.

– Насчет квартир он передумал, все же психуют по поводу дикого роста цен на недвижимость, ну и он решил дома пока не трогать, посмотреть, что будет дальше. Так вот, он нанял рабочих, чтоб вытащили из домов каминь, лепнину и все такое на продажу, – ты знал, что кто-то за такие штуки

большие деньги платит? Вот больные... И сегодня они начали с дома на углу, ну, помнишь, тот, заброшенный?

– Дом шестнадцать.

– Точно. Они разбирали камин и за одним нашли чемодан.

Театральная пауза. Наркота? Пушки? Наличные? Джими Хоффа?²

– Джеки, так твою и так! Что там?

– Фрэнсис, это чемодан Розы Дейли.

Все наслоения уличного шума исчезли, разом отрубилась. Оранжевое зарево в небе одичало, стало слепящим, прожорливым, стихийным, как лесной пожар.

– Нет, – сказал я. – Это не ее. Не знаю, с чего ты взяла. Бред сивой кобылы.

– Ох, Фрэнсис...

Голос сестры был полон беспокойства и сочувствия. Будь она рядом, я бы, наверное, в глаз ей засветил.

– Чего “Фрэнсис”? Вы с ма накрутили себя до истерики из-за какой-то ерунды и теперь хотите, чтобы я вам подыграл...

– Слушай, я знаю, что ты...

– Или это какой-то хитрый трюк, чтоб убедить меня приехать, а, Джеки? Задумала великое воссоединение семьи? Предупреждаю, это тебе не кино от “Холлмарк”, со мной такие штучки не пройдут.

² Джими Хофф – американский профсоюзный лидер, неожиданно исчезнувший в 1975 г. при невыясненных обстоятельствах.

– Остынь, придурок! – рявкнула Джеки. – Ты за кого меня держишь? В чемодане была блузка в фиолетовых огурцах, Кармела ее узнала...

Эту блузку я раз сто видел на Розе и помнил, каковы пуговицы на ощупь.

– Еще бы, в восьмидесятые такие носила каждая девчонка в городе. Кармела готова признать Элвиса в каждом прохожем с Графтон-стрит, лишь бы языком почесать. Думал, ты умнее, но, видимо...

– ...а в нее было завернуто свидетельство о рождении. На имя Роуз Бернадетт Дейли.

Спорить больше было не о чем. Я нащупал сигареты, облокотился на перила и сделал самую долгую затяжку в жизни.

– Прости, что вызверилась, – смягчилась Джеки. – Фрэнсис!

– Тут я.

– Ты в норме?

– Да. Слушай, Джеки. Ее семья знает?

– Нет. Нора несколько лет назад переехала, если не ошибаюсь, в Бланчардстаун, и мистер и миссис Дейли навещают ее по пятницам, чтобы увидеть внука. Мама говорит, у нее их номер где-то записан, но...

– Ты в полицию звонила?

– Нет, только тебе.

– Кто еще знает?

– Только строители, два молодых поляка. Они закончили работу и пошли в дом пятнадцать спросить, кому вернуть чемодан, но там сейчас студенты живут, и они отправили поляков к маме с папой.

– И ма не растрепала всей округе? Точно?

– Фейтфул-Плейс уже не та, в половине домов поселились или студенты, или яппи, мы их и по именам не знаем. Каллены остались, Ноланы и кое-кто из Хирнов, но ма не хочет ничего им говорить, пока не сообщила Дейли. Это было бы неправильно.

– Хорошо. Где чемодан сейчас?

– В гостиной. Может, зря строители его трогали? Но им ведь нужно было продолжать работу...

– Все нормально. Только не надо его трогать лишний раз. Приеду, как только смогу.

Секундное молчание.

– Фрэнсис... Не хочу себя накручивать, но это ведь, боже упаси, не значит, что Роза...

– Мы пока ничего не знаем, – сказал я. – Не дергайтесь, ни с кем не говорите и ждите меня.

Я выключил мобильник и быстро оглянулся на квартиру. Дверь Холли была по-прежнему закрыта. Докурив сигарету в один марафонский затяг, я отшвырнул окуроч, закурил новую и позвонил Оливии.

Та даже не поздоровалась:

– Нет, Фрэнк. Только не сегодня. Исключено.

– Лив, у меня нет выбора.

– Ты просил проводить с Холли каждые выходные. Умолял. Если ты не хочешь...

– Хочу. У меня ЧП.

– У тебя всегда ЧП. Отдел как-нибудь обойдется без тебя пару дней. Фрэнк, что бы ты ни воображал, ты не такой уж незаменимый.

Со стороны голос Лив мог показаться веселым и неприужденным, но она была в ярости. Звон ножей и вилок, взрывы смеха и что-то похожее на, господи прости, фонтан.

– Это не по работе, – сказал я. – Это семейное.

– Разумеется. И никак не связано с тем, что у меня четвертое свидание с Дермотом?

– Лив, я многое бы отдал, чтобы подпортить вам с Дермотом четвертое свидание, но никогда не пожертвую временем с Холли. Ты же меня знаешь.

Короткая недоверчивая пауза.

– Что за семейное ЧП?

– Пока не знаю. Джеки звонила от родителей в истерике, ничего толком объяснить не может. Мне срочно надо туда.

Снова пауза.

– Ладно, – устало выдохнула Оливия. – Мы в “Котери”, вези ее сюда.

У шеф-повара “Котери” собственное кулинарное шоу, и его до небес превозносят все воскресные газеты. Спалить бы эту столовку к чертовой бабушке.

– Спасибо, Оливия. Серьезно, спасибо. Если смогу, забереу ее попозже или завтра утром. Я тебе позвоню.

– Хорошо. Если сможешь, конечно, – сказала Оливия и дала отбой.

Я выбросил сигарету и пошел внутрь, чтобы продолжить бесить женщин в своей жизни.

Холли, скрестив ноги, сидела на кровати с компьютером на коленях. Вид у нее был обеспокоенный.

– Солнышко, – сказал я, – у нас проблема.

Она показала на ноутбук:

– Пап, смотри.

На экране большими фиолетовыми буквами в окружении уймы мигающих картинок было написано: “Вы умрете в 52 года”. Дочка выглядела порядком расстроенной. Я сел на кровать позади Холли и усадил ее вместе с компьютером к себе на колени:

– Это еще что?

– Сара нашла этот тест в интернете, и я прошла его за тебя, и вот результат. Тебе *сорок один*.

Господи, только не сейчас.

– Цыпленок, это же интернет. Там чего только не понапишут. Не стоит всему верить.

– Но тут сказано!.. Они все подсчитали!

Оливия будет в восторге, если я верну Холли в слезах.

– Давай кое-что покажу, – сказал я, протянул через нее руки, закрыл свой смертный приговор, открыл вордовский

документ и напечатал: “Ты космический пришелец. Ты читаешь это на планете Бонго”. – Ну. Правда это?

Холли хихикнула сквозь слезы:

– Конечно, нет.

Я поменял цвет текста на фиолетовый и выбрал навороченный шрифт:

– А сейчас?

Дочь покачала головой.

– А если я сделаю так, чтобы компьютер сперва задал тебе кучу вопросов, а потом выдал это? Тогда была бы правда?

На секунду мне показалось, что я все уладил, но тут ее узкие плечики снова напряглись.

– Ты сказал “проблема”.

– Да. Придется нам с тобой немножко скорректировать наши планы.

– Я возвращаюсь к маме, да? – спросила Холли, обращаясь к ноутбуку.

– Да, милая. Мне ужасно жаль. Я заберу тебя, как только смогу.

– Ты опять нужен на работе?

Это “опять” ожгло меня сильнее, чем самый хлесткий сарказм Оливии.

– Нет, – сказал я, склонив голову набок, чтобы видеть лицо Холли. – Работа ни при чем. Пусть катится колбаской, правда?

Я заслужил слабую улыбку.

– Помнишь тетю Джеки? У нее большая проблема, и ей нужно, чтобы я прямо сейчас ее решил.

– А мне с тобой нельзя?

И Джеки, и Оливия, бывало, намекали, что Холли неплохо бы познакомиться с родней отца. Я бы скорее помер, чем допустил, чтобы Холли окунула ножки в клокающий котел семейного безумия Мэки. Да еще этот зловещий чемодан...

– Не сегодня. Как только я все утрясу, позовем тетю Джеки куда-нибудь на мороженое, ладно? Для поднятия духа?

– Ага, – сказала Холли с усталым вздохом, совсем как Оливия. – Будет весело. – Она высвободилась из моих объятий и принялась убирать свои вещи назад в рюкзак.

* * *

В машине Холли всю дорогу беседовала с Кларой, шепча так тихо, что я не разобрал ни слова. На каждом светофоре я поглядывал на нее в зеркало заднего вида и обещал себе, что заглажу вину: раздобуду номер семьи Дейли, брошу проклятый чемодан у них на пороге и отвезу Холли спать на ранчо Линча. Я уже понимал, что ничего не выйдет: Фейтфул-Плейс и этот чемодан давным-давно дожидались моего возвращения и, заполучив меня, так скоро не отпустят.

В записке не было никакой девичьей патетики, Роза таким никогда не страдала.

Знаю, все это ужасно неожиданно. Пожалуйста, не надо думать, что я врала нарочно. Я все взвесила, это мой единственный шанс прожить жизнь так, как я хочу. Жаль, если мое решение обидит, расстроит и разочарует. Было бы здорово услышать пожелания удачи в новой жизни в Англии! Но если сейчас это слишком тяжело, я пойму. Обещаю, что когда-нибудь вернусь. До встречи, с большей любовью, Роззи.

Между минутой, когда она оставила записку на полу комнаты в доме шестнадцать, где мы в первый раз поцеловались, и минутой, когда она собиралась перекинуть чемодан через ограду и удрать, что-то произошло.

2

Не зная, где искать, Фейтфул-Плейс не отыщешь. Район Либертис веками разрастался, как сорняк, без всякой помощи со стороны градостроителей, а Фейтфул-Плейс – узкий тупичок, припрятанный в самой середине, будто неверный поворот в лабиринте. Улица находится в десяти минутах пешком от Тринити-колледжа и пафосных бутиков на Графтон-стрит, но в мое время мы не ходили в Тринити, а типчики из Тринити не совались к нам: район был не то чтобы сомнительный, но обособленный – заводские рабочие, каменщики, пекари, безработные да редкие везунчики с гиннесовской пивоварни с медицинской страховкой и вечерними курсами. Либертис – “Свободы” – получили свое название сотни лет назад, потому что шли своим путем и жили по собственным правилам. На моей улице правила были такие: каким бы голодранцем ты ни был, будь добр в свою очередь проставиться в пабе; если твой дружбан ввязался в драку, оттащи его при первой крови, чтобы никто не уронил фасон; свой герыч на улицу не тащи; будь ты в этом месяце хоть анархо-панк-рокером, топай на воскресную службу и, что бы ни случилось, никогда ни на кого не стучи.

Я припарковался в нескольких минутах от дома и пошел пешком: незачем родне знать, на чем я езжу, и видеть детское кресло на заднем сиденье. Ночной воздух в Либертис остал-

ся прежним – теплым и беспокойным, ветер гнал по улице пакеты из-под чипсов и автобусные билеты, из пабов доносился пьяный гам. Отирающиеся по углам торчки теперь для пущего лоску форсили побрякушками поверх спортивных костюмов. Двое из них смерили меня взглядом и двинули было ко мне, но передумали при виде моей широкой акульей улыбки.

Фейтфул-Плейс – это два ряда по восемь старых домов красного кирпича, где к каждому крыльцу ведут ступени. В восьмидесятые в таких домах насчитывалось по три-четыре домохозяйства, а то и больше. Отдельными домохозяйствами считались и Псих Джонни Мэлоун, который воевал еще в Первой мировой и чуть что светил татуировкой из Ипра, и Салли Хирн – не то чтобы шлюха, но ведь надо было как-то содержать несметный выводок детей. Горемыкам на пособии доставались подвальные квартирки и дефицит витамина Д; стабильный заработок гарантировал по меньшей мере часть первого этажа; семьи, которые жили в доме несколько поколений, по праву старшинства занимали комнаты в верхнем этаже, где никто не ходил им по голове.

Считается, что когда возвращаешься в родные края, все будто уменьшается в размерах, но моя улица выглядела просто свихнутой. Пару домов миленько отремонтировали – вставили стеклопакеты и выкрасили в пастельный цвет с нелепым закосом под старину, но большинство осталось без изменений. Дом шестнадцать, похоже, дышал на ладан: кры-

ша местами провалилась, у крыльца груды кирпичей и разбитая магазинная тележка, за прошедшие двадцать лет кто-то успел поджечь дверь. На первом этаже дома восемь уютно и чертовски опасно золотилось освещенное окно.

После свадьбы у родителей ежегодно появлялось прибавление – чего еще ожидать в стране контрабандных презервативов? Так родились мы с Кармелой и Шаем. Потом, после почти пятилетней передышки, появился Кевин, а еще через пять лет – Джеки. Видимо, время от времени взаимная ненависть родителей ненадолго угасала. Мы занимали четыре комнаты в первом этаже дома номер восемь: спальня девочек, спальня мальчиков, кухня, гостиная. Уборная была на заднем дворе, а мылись мы в жестяном тазу на кухне. Сейчас родители живут в квартире вдвоем.

Мы с Джеки видимся каждые несколько недель, и она, если можно так выразиться, держит меня в курсе дел. Она считает, что меня необходимо посвящать в мельчайшие подробности жизни каждого, а мне хватило бы известий о смертях в семействе, так что к золотой середине мы пришли не сразу. Подходя к Фейтфул-Плейс, я уже был осведомлен, что у Кармелы четверо детей и корма шириной с автобус, Шай живет этажом выше родителей и работает в том же велосипедном магазине, ради которого бросил школу, Кевин продает телики с плоским экраном и каждый месяц меняет подругу, у па что-то со спиной, а ма – вся такая же ма. Для полноты картины надо сказать, что сама Джеки – парикма-

херша, живет со своим Гэвином и грозитя однажды выско-
чить за него замуж. Я сильно сомневался, что она не врет и
действительно следует моим запретам, однако, по ее словам,
остальные родственнички ни хрена обо мне не знали.

Входная дверь была не заперта, как и дверь в квартиру.
В Дублине никто больше не оставляет двери нараспашку.
Джеки тактично позаботилась, чтобы я мог войти, когда сам
захочу. Из гостиной слышались голоса – скупые фразы, дол-
гие паузы.

– Приветики, – сказал я с порога.

Чашки, звякнув, опустились, головы повернулись. На ме-
ня уставились мамины черные глаза и пять пар ярко-голубых
– в точности как у меня.

– Прячьте героин, – сказал Шай. Он стоял, прислонив-
шись к подоконнику и сунув руки в карманы, и видел, как я
иду по улице. – У нас легавые.

Домовладелец наконец расщедрился на ковровое покры-
тие – зеленое в розовый цветочек. Комната по-прежнему
пахла гренками, сыростью и мебельным полиролем. Чув-
ствовался и какой-то гадкий слабенький душок, который я
не мог распознать. На столе стоял поднос с горкой диетиче-
ского печенья на бумажных салфетках. Па с Кевином сиде-
ли в креслах, ма – на диване, между Кармелой и Джеки, буд-
то полководец, выставляющий напоказ двух ценных военно-
пленных.

Ма – типичная дублинская мамаша: пять футов росту,

бигуди, угрожающая фигура бочкой и нескончаемый запас неодобрения. Блудного сына она приветствовала так:

– Фрэнсис, – ма откинулась на спинку дивана, сложила руки там, где должна быть талия, и оглядела меня с ног до головы, – трудно было надеть приличную рубашку?

– И тебе здравствуй, ма, – отозвался я.

– Не “ма”, а “мамочка”. Посмотри на себя. Соседи подумают, что мой сын бездомный.

Где-то на жизненном пути я сменил армейскую куртку на коричневую кожанку, но в остальном с тех пор, как покинул дом, мои вкусы в одежде почти не изменились. Заявись я в пиджаке, ма бы распекала меня за зазнайство. Мою мать не переспоришь.

– Судя по голосу Джеки, дело у вас срочное, – сказал я. – Привет, па.

Па выглядел лучше, чем я ожидал. Когда-то я был похож на него больше остальных – те же густые каштановые волосы, те же резкие черты, – но с годами сходства между нами, к моей радости, изрядно поубавилось. Он порядком постарел – голова седая, штаны не достают до щиколоток, – но мускулы все еще такие, что дважды подумаешь, прежде чем бодаться с ним. На вид папаша был трезв как стекло, но с ним сам черт не разберет.

– Смотрите-ка, кто удостоил нас визитом. – Голос у па стал ниже и охрип от сигарет. – Вот ведь наглая морда!

– Да, меня так частенько называют. Привет, Кармела. Кев.

Шай.

Шай не потрудился ответить.

– Фрэнсис! – Кевин вылупился на меня, как на привидение. Парень вымахал в здорового светловолосого красавца выше меня ростом. – Божечки!

– За языком следи, – осадила его ма.

– Отлично выглядишь, – как и следовало ожидать, известила меня Кармела. Явись ей однажды утром сам Иисус воскресший, она и ему объявит, что он отлично выглядит. Задница у Кармелы и правда была внушительная, да и новоприобретенная светская гнусавость меня несколько не удивила. За годы здесь ничего не изменилось.

– Большое спасибо, – сказал я. – Ты тоже.

– Иди-ка сюда, – позвала меня Джеки. Сестренка укладывает обесцвеченные волосы в сложные прически, а одевается как для похода в закусочную Тома Уэйтса; в тот день она облачилась в белые бриджи и красную блузку в горошек с оборками в самых невообразимых местах. – Садись и выпей чаю. Я принесу тебе чашку. – Она встала, ободряюще подмигнула, ущипнула меня за бок и направилась в кухню.³

– Мне и так хорошо, – остановил я ее. От перспективы сидеть рядом с ма у меня волосы на загривке встали дыбом. – Давайте посмотрим на ваш знаменитый чемодан.

³ Имеется в виду альбом Тома Уэйтса *Nighthawks at the Diner* (1975, “Полуночники в закусочной”), на обложке которого типичная американская закусочная середины двадцатого века, отсылающая к знаменитой картине Эдварда Хоппера “Полуночники” (1942).

– Что за спешка? – спросила ма. – Сядь сюда.

– Делу время, а потехе час. Где чемодан?

Шай кивнул на пол у своих ног:

– К твоим услугам.

С громким вздохом Джеки опустилась на диван.

Под всеобщими взглядами я протиснулся между кофейным столиком, диваном и креслами.

Чемодан стоял у окна – светло-голубой, с закругленными углами, весь в черных пятнах плесени. Жалкие металлические замочки были взломаны. Больше всего меня добило то, какой он был маленький. Когда мы собирались куда-то на выходные, Оливия паковала чуть ли не все наше имущество, включая электрический чайник. Розы отправлялась навстречу новой жизни с тем, что могла унести в одной руке.

– Кто его трогал? – спросил я.

Шай рассмеялся резким горловым смехом:

– Господи, ребята, да это сам лейтенант Коломбо! Наши отпечатки снимешь?

Шай смуглый, жилистый и беспокойный, я уж и забыл, каково это – находиться вблизи него. Все равно что рядом с высоковольтной вышкой. От носа ко рту и между бровей у него пролегли глубокие резкие складки.

– Только если хорошо попросишь, – сказал я. – Вы все к нему прикасались?

– Да я к нему и близко не подходила! – встрепенулась Кармела. – Эдакая грязнота...

Мы с Кевином переглянулись. На секунду показалось, будто я никогда не уезжал.

– Мы с твоим па пытались открыть, – сказала ма, – только было заперто, поэтому я позвала Шая и велела ему взломать отверткой. А что было делать? На нем ведь не было никакой бирки. – Она с вызовом глянула на меня.

– Точно, – сказал я.

– Когда мы увидели, что внутри... Говорю тебе, такая оторопь меня взяла. Сердце чуть из груди не выпрыгнуло – думала, у меня сердечный приступ. Я так Кармеле и сказала: “Слава богу, ты на машине, если что, отвезешь меня в больницу”. – Взгляд ма ясно давал понять, что сия опасность грозила ей по моей вине, хоть она пока и не решила, в чем именно эта вина заключалась.

– Раз у нас такое приключилось, Тревор не против покормить детей, – сказала мне Кармела. – С ним как за каменной стеной.

– Мы с Кевином, как приехали, заглянули внутрь, – сказала Джеки. – Что-то трогали, не помню что...

– Порошок для дактилоскопии привез? – осведомился Шай. Вальяжно опершись на подоконник, он наблюдал за мной из-под полуприкрытых век.

– Будешь хорошим мальчиком, в следующий раз привезу. – Я достал из кармана кожанки хирургические перчатки и натянул их.

Па басовито, скрипуче рассмеялся, но смех превратился в

приступ кашля, от которого заходило ходуном все его кресло.

Отвертка Шая лежала на полу рядом с чемоданом. Я опустился на колени, взял ее и поддел крышку. Двое парнишек из техотдела передо мной в долгу, а пара их коллег прекрасного пола ко мне неровно дышат, по моей просьбе любой из них сделал бы анализ-другой без шумихи, но облапанным без надобности вещдокам не обрадуется ни один криминалист.

Чемодан был набит почерневшей и наполовину расползшейся от плесени и старости одеждой. Несло тяжелым духом влажной земли – именно этот запах я уловил, когда вошел в гостиную.

Я медленно, по одной, доставал вещи и выкладывал на откинутую крышку чемодана. Одна пара мешковатых синих джинсов с клетчатыми заплатками на коленях. Один зеленый шерстяной свитер. Одна пара синих джинсов с молниями на лодыжках, Господь Всемогуший, я их узнал – когда Роза покачивала бедрами в этих обтягивающих брючках, из меня дух вышибало. Я не моргнув глазом продолжал разбирать чемодан. Одна мужская фланелевая рубашка без воротника с тонкими синими полосками на когда-то кремовой ткани. Шесть пар белых хлопковых трусов. Лохмотья удлиненной блузки в фиолетовых и синих огурцах. Когда я достал ее, из складок выпало свидетельство о рождении.

– Вот, – Джеки, перегнувшись через подлокотник дивана,

напряженно смотрела на меня, – видишь? Мы сперва думали, ерунда, дети балуются или кто украденное схоронил, а может, какая бедняжка, которую муж колотит, приготовила пожитки, чтобы, набравшись смелости, сбежать, знаешь, как в журналах советуют? – Сестренка опять набирала обороты.

Роуз Бернадетт Дейли, дата рождения 30 июля 1966 года. Бумага только что в прах не распадалась.

– Ага, – сказал я. – Если это детишки постарались, то уж больно тщательно...

Одна футболка с U2, сейчас бы наверняка несколько сотен стоила, если бы не оспины гнили. Одна футболка в сине-белую полоску. Один черный мужской жилет – тогда модно было косить под Энни Холл. Один фиолетовый шерстяной свитер. Одни светло-голубые пластмассовые четки. Два белых хлопковых бюстгалтера. Один паленый плеер “Уокмен” – я на него несколько месяцев копил, а последние пару фунтов раздобыл за неделю до ее восемнадцатилетия, помогая Бикеру Мюррею толкать пиратские видюки на рынке Ивеа. Один баллончик дезодоранта. Дюжина кассет с самопальными записями, на некоторых корешках еще можно было разобрать ее округлый почерк:⁴ *REM, U2, Boy, Thin Lizzy, Boomtown Rats, Stranglers, Nick Cave and the Bad Seeds*. Роза могла бросить все на свете, кроме своей музыкальной коллекции.

⁴ Героиня фильма “Энни Холл” Вуди Аллена (1977), которую сыграла Дайан Китон, весь фильм ходит в мужских жилетках, галстуках и пиджаках.

На дне чемодана лежал коричневый конверт. За двадцать два года бумага внутри слиплась от сырости, и когда я осторожно потянул за край, склеившиеся листки распались, как намокший рулон туалетной бумаги. Еще одна подлянка для криминалистов... В пластиковом окошке на лицевой стороне конверта виднелось несколько расплывшихся напечатанных слов:

...Лири – Холихед... Отправление... 30 мин...

Куда бы Розы ни отправилась, наших билетов на паром она с собой не взяла.

Все пристально смотрели на меня. Кевин выглядел искренне расстроенным.

– Что ж, – сказал я, – похоже, это и правда чемодан Розы Дейли.

Я начал складывать одежду обратно в чемодан, приберегая бумаги напоследок, чтобы не помялись.

– Может, позвоним в полицию? – предложила Кармела.

Па шумно прочистил горло, будто харкнуть собирался; ма бросила на него яростный взгляд.

– И что скажем? – спросил я.

Об этом явно никто не подумал.

– Кто-то сунул чемодан за камин двадцать с лишним лет назад, – сказал я. – Едва ли преступление века. Пусть Дейли сами в полицию звонят, если им угодно, но сразу предупреждаю: очень сомневаюсь, что они бросят тяжелую артиллерию на раскрытие “дела о забитом дымоходе”.

– Но Рози-то, Рози пропала. – Джеки дергала себя за прядь волос и, по-кроличьи закусив губу, обеспокоенно глядела на меня большими голубыми глазами. – А чемодан – это улика, вещдок или как его там. Разве мы не должны?..

– Она объявлена пропавшей?

Все переглянулись – никто не знал. Вряд ли кто-то догадался об исчезновении Рози. В Либертис к копам относятся как к медузам из “Пакмана”: они часть игры, их учишься избегать и уж точно не ищешь с ними встречи.⁵

– Если нет, – сказал я, закрывая чемодан кончиками пальцев, – то сейчас уже поздновато.

– Погоди, – сказала Джеки. – Но разве не похоже, что она, ну ты понял... ни в какую Англию не уплывала? Выглядит так, будто кто-то ее...

– Джеки пытается сказать, – встрял Шай, – что кто-то прикончил Рози, засунул в мусорный мешок, оттащил на ферму и скормил свиньям, а чемодан этот затолкал за камин, чтобы не мешался.

– Шеймус Мэкки! Да простит тебя Господь! – ахнула ма. Кармела перекрестилась.

О такой возможности я уже и сам подумал.

– Может, и так, – сказал я. – Или ее похитили инопланетяне и по ошибке высадили в Кентукки. Лично я склоняюсь к объяснению попроще: она сама запихнула чемодан в дымоход, не смогла его забрать и отправилась в Англию без

⁵ “Пакман” – аркадная видеоигра, популярная в 1980-х.

сменных трусиков. Впрочем, если вы изголодались по острым ощущениям, мое дело сторона.

– Ну-ну... – протянул Шай. С ним много что не так, вот только он не тупой. – И вот эта фигня, – он ткнул в перчатки, которые я засовывал в карман, – понадобилась как раз потому, что, по-твоему, тут нет никакого преступления.

– Рефлекс, – ухмыльнулся я. – Легавый всегда легавый, двадцать четыре на семь, понимаешь, о чем я?

Шай презрительно хмыкнул.

– Тереза Дейли умом двинется, – сказала ма с нотками ужаса, зависти и жажды крови.

Мне по целому ряду причин нужно было пообщаться с родителями Розы первым.

– Я поговорю с мистером Дейли, узнаю, что они намерены предпринять. Во сколько они обычно возвращаются по субботам?

Шай пожал плечами:

– По-разному. Иногда после обеда, иногда рано утром, как Нора сможет их подкинуть.

М-да, отстой. В маминых глазах читалось, что она коршуном налетит на них прямо на пороге. Я бы переночевал в машине и перехватил ее по дороге, но припарковаться поблизости было негде. Шай злорадно смотрел на меня.

Тут ма выпятила грудь и сказала:

– Фрэнсис, если хочешь, можешь переночевать у нас. Диван еще раскладывается.

Я не льстил себе мыслью, что наше воссоединение разбу-
дило в ней теплые чувства: ма обожает изображать благоде-
тельница. Приглашение виделось мне не слишком заманчи-
вым, однако вариантов получше не ожидалось.

– Если не гнушаешься, конечно, – добавила ма, чтобы я
не вообразил, будто она дала слабинку.

– Что ты! – сказал я и широко улыбнулся Шаю. – Здорово.
Спасибо, ма.

– Не “ма”, а “мамочка”. Как я понимаю, ты завтракать за-
хочешь и все такое.

– Можно я тоже останусь? – спросил вдруг Кевин.

Ма с подозрением уставилась на него. Кевин и сам, каза-
лось, удивился не меньше меня.

– Кто ж тебе помешает, – наконец сказала она, грузно
встала с дивана и принялась собирать чашки. – Белье мне не
замарайте!

Шай недобро засмеялся.

– Мир на горе Уолтонов! – сказал он, подтолкнув чемодан
носком ботинка. – Аккурат к Рождеству.⁶

* * *

Куриль в доме ма не разрешает, поэтому мы с Шаем

⁶ “Уолтоны” – долгоиграющий американский сериал (1972–1981) о семействе Уолтонов, начавшийся с телефильма “Возвращение: рождественская история”; действие происходит в горном шахтерском районе.

и Джеки вышли на крыльцо; Кевин и Кармела последовали за нами. Мы уселись на ступенях, как сидели в детстве, посасывая фруктовый лед после ужина и надеясь, что случится что-нибудь интересное. Я не сразу поймал себя на том, что и сейчас дожидаясь какой-нибудь сценки – мальчишек с футбольным мячом, цапающуюся парочку, женщину, спешащую к соседке обменять сплетни на чайные пакетики, да чего угодно, – однако ничего не происходило. В доме одиннадцать косматые студенты готовили ужин под приглушенные песенки *Keane*, в доме семь Салли Хирн гладила, а кто-то смотрел телевизор. Как видно, нынче жизнь на Фейтфул-Плейс ключом не кипела.

Каждый устроился на старом месте: Шай и Кармела с краю на верхней ступеньке, мы с Кевином – под ними, а еще ниже, между нами, – Джеки. Лестница хранила отпечатки наших задниц.

– Господи, теплынь-то какая! – сказала Кармела. – Будто и не декабрь вовсе. Неправильно это.

– Глобальное потепление, – сказал Кевин. – Дадите покурить?

Джеки протянула пачку:

– Лучше не начинай. Мерзкая привычка.

– Я только по особым случаям.

Я щелкнул зажигалкой, и Кевин нагнулся к огоньку. Тень ресниц легла на щеки, на секунду сделав его похожим на спящего ребенка, невинного и розовощекого. Когда-то Кевин

меня боготворил, ходил за мной хвостом, а я однажды расквасил Живчику Хирну нос за то, что он отобрал у моего братишки мармеладки. Теперь от него пахло лосьоном после бритья.

– Сколько всего детей у этой Салли? – я кивнул в сторону седьмого дома.

Джеки потянулась назад через плечо, чтобы забрать у Кевина свои сигареты:

– Четырнадцать. Как представляю, аж ноет между ног.

Я хохотнул и поймал взгляд Кевина. Тот улыбнулся.

Помолчав, Кармела сообщила:

– А у меня своих уже четверо – Даррен, Луиза, Донна и Эшли.

– Джеки говорила. Ты молодчина. На кого похожи?

– Луиза – на меня, помоги ей Господь. Даррен весь в папу.

– Донна – вылитая Джеки, – сказал Кевин. – Такая же зубастенькая.

Джеки пихнула его:

– А ну заткнись!

– Они, наверное, уже большие, – сказал я.

– Ну да. Даррен в этом году школу кончает. Хочет, представь себе, на инженера пойти в Университетский колледж Дублина.

О Холли никто не спрашивал. Может, я был несправедлив к Джеки и она-таки умела держать язык за зубами.

– Вот, хочешь посмотреть? – Кармела порылась в сумке,

выудила мобильник, потыкала и протянула мне.

Я полистал фотографии. Четыре неказистых конопатых ребенка; Тревор – такой же, как всегда, только волосы пореже; домик родом из семидесятых со структурной штукатуркой в каком-то унылом пригороде. Все мечты Кармелы сбылись, а этим мало кто может похвастать. Умница, хоть я от такой жизни глотку бы себе перерезал.

– Чудесные детки, – сказал я, возвращая телефон. – Поздравляю, Мелли.

Она тихонько втянула в себя воздух.

– Мелли. Господи... Меня так сто лет никто не называл.

В сумерках они снова походили на самих себя. Тусклый свет стер морщины и седину, уменьшил тяжелую челюсть Кевина, смыл с лица Джеки макияж, и вот мы впятером, юные, остроглазые и непоседливые, уже вновь пряли в темноте мечты – каждый свои. Выгляни Салли Хирн из окна, она бы увидела нас прежних – детей Мэкки на крыльце. На одну сумасшедшую секунду я обрадовался, что приехал.

– Ох, – заерзала на ступеньке Кармела, она никогда не умела молчать. – Всю задницу отсидела. Фрэнсис, ты уверен, что все было так, как ты сказал в доме? Что Роза хотела вернуться за чемоданом?

Шай не то засмеялся, не то с негромким присвистом выпустил сквозь зубы дым:

– Хрень. Он знает это не хуже меня.

Кармела шлепнула его по колену:

– Язык придержи!

Шай не пошевелился.

– Ты о чем? Почему хрень?

Он пожал плечами.

– Наверняка я ничего не знаю, – сказал я. – Но, как по мне, она наверняка в Англии, и все у нее хорошо.

– Свалила без билета и документов?

– Деньжат она поднакопила, билет могла и новый купить, а уплыть в Англию в ту пору можно было и без документов.

Так и было. Свидетельства о рождении мы собирались взять с собой только на случай, если придется подавать на пособие, пока ищем работу, да и пожениться хотели.

– Но я же не зря тебе позвонила? – тихо спросила Джеки. – Или надо было просто...

В воздухе повисло напряжение.

– ...оставить все как есть, – закончил Шай.

– Нет, – сказал я. – Правильно сделала, сестренка. Чутье тебя не подвело.

Джеки вытянула ноги и рассматривала свои высокие каблуки. Я видел только ее затылок.

– Может, и так, – отозвалась она.

Мы еще немного посидели и покурили. Запах солода и горелого хмеля пропал; в девяностые на “Гиннесе” внедрили что-то экологичное, и теперь район пах дизельными выхлопами, что, как видно, считалось улучшением. Вокруг фонаря в конце улицы кружили мотыльки. Раньше дети качались на

канате, привязанном к верхушке столба, но кто-то его снял.

Мне хотелось узнать кое-что еще.

– Па выглядит неплохо, – сказал я.

Молчание. Кевин пожал плечами.

– Спина не ахти, – сказала Кармела. – Джеки разве не...

– Я слышал, что со спиной беда. Но все не так плохо, как я ожидал.

Она вздохнула:

– День на день не приходится. Сегодня-то он ничего, а бывает...

Шай затянулся, зажав сигарету между большим и указательным пальцами, на манер гангстеров из старых фильмов.

– Бывает, в нужник на руках его таскаешь, – без выражения сказал он.

– Врачи знают, в чем проблема?

– Не-а. Может, на работе спину угробил, может, еще что... Не могут они разобраться. В любом случае ему все хуже.

– А пить он бросил?

– Тебе-то что? – спросил Шай.

– Па бросил пить? – повторил я.

Кармела пошевелилась:

– Нормально у него все.

Шай зашелся в резком лающем смехе.

– С мамой нормально обращается?

– Не твое собачье дело, – сказал Шай.

Остальные, затаив дыхание, ожидали, бросимся ли мы

друг на друга. Когда мне было двенадцать, Шай разбил мне голову на этом самом крыльце, до сих пор шрам остался. Скоро я его перерос. У него тоже есть шрамы.

Я медленно развернулся к нему:

– Я ведь вежливо спросил.

– Что-то двадцать лет ты не спрашивал.

– У меня спрашивал, – тихо сказала Джеки. – Много раз.

– И что? Ты сама здесь больше не живешь. Знаешь не больше него.

– Поэтому я сейчас и спрашиваю, – сказал я. – Па нормально с мамой обращается?

Мы уставились друг на друга в полутьме. Я приготовился отшвырнуть сигарету.

– Если я отвечу “нет”, – спросил Шай, – ты бросишь свою крутую холостяцкую берлогу и переедешь сюда присматривать за мамой?

– На этаж ниже тебя? Ах, Шай. Ты настолько соскучился?

Над нашими головами с грохотом поднялось окно.

– Фрэнсис, Кевин! Вы идете или как? – крикнула ма.

– Одну минуту! – хором проорали мы.

Джеки тонко, напряженно фыркнула:

– Только послушать нас...

Ма захлопнула окно. Через секунду Шай откинулся на ступеньку, сплюнул через перила и перестал сверлить меня взглядом. Все расслабились.

– Мне все равно пора, – сказала Кармела. – Эшли любит,

чтобы ее мамочка укладывала. Тревору она всю кровь попортит. Думает, это весело.

– Ты как до дома доберешься? – спросил Кевин.

– Я за углом припарковалась. У меня “киа”, – пояснила она мне. – А у Тревора “рендж ровер”.

Тревор всегда был тем еще козлом. Приятно было осознавать, что он ничуть не изменился.

– Недурно, – сказал я.

– Подбросишь? – спросила Джеки. – Я прямо с работы, а сегодня очередь Гэва на машину.

Кармела насупилась и неодобрительно прищелкнула языком:

– Он что, не может за тобой заехать?

– Не получится. Машина уже дома, а он в пабе с приятелями.

Кармела тяжело встала, опираясь на перила, и чопорно одернула юбку:

– Так и быть, отвезу тебя. Скажи своему Гэвину, если он хочет, чтобы ты работала, пускай хоть машину тебе купит, чтоб до парикмахерской добираться. Чего вы ржете?

– Да ты феминистка! – сказал я.

– Я на эту чепуху никогда не велась. Без крепкого лифчика я никуда. А ты, дорогуша, кончай хиханьки разводить и пошли, не то оставлю тебя с этими обормотами.

– Да иду, погоди... – Джеки сунула сигареты в сумку, перекинула ремешок через плечо. – Завтра заеду. Фрэнсис, ты

завтра-то будешь?

– Как повезет.

Джеки поймала мою ладонь и крепко ее сжала.

– Все-таки я рада, что позвонила, – твердо, доверительно сказала она. – И что ты приехал. Цены тебе нет. Береги себя, ладно?

– Ты тоже хорошая девочка. Пока, Джеки.

Надо мной нависла Кармела:

– Фрэнсис, ну мы же еще того?.. Ты к нам будешь заглядывать? Раз теперь...

– Завязывайте, – улыбнулся я в ответ. – Там посмотрим, ладно?

Кармела спустилась с крыльца, и мы проводили сестер взглядом. Стук шпилек Джеки эхом отскакивал от домов, а рядом с ней, стараясь не отставать, ковыляла Кармела. Джеки намного выше Кармелы, даже если не считать каблуков и прически, зато Кармела в разы ее шире. Вместе они смотрелись комично, как бестолковая мультяшная парочка, которой предстояло немало уморительных несчастий, прежде чем поймают злодея и спасут мир.

– Хорошие женщины, – тихо сказал я.

– Ага, – откликнулся Кевин. – Еще какие.

– Желаешь им добра – больше не приезжай, – сказал Шай.

Я понимал, что брат, скорее всего, прав, но ответом его не удостоил.

Ма снова высунулась из окна:

– Фрэнсис! Кевин! Я дверь запираю. Если сейчас же не зайдете, спать будете где сидите!

– Идите, пока она всю округу не перебудила, – сказал Шай.

Кевин встал, потянулся, хрустнул шеей:

– А ты?

– Не, – сказал Шай. – Я еще покурю.

Когда я закрыл входную дверь, он сидел на крыльце спиной к нам, щелкал зажигалкой и разглядывал пламя.

* * *

Ма кинула на диван одеяло, две подушки, стопку простыней и ушла спать, выразив тем самым свое мнение о наших затянувшихся посиделках снаружи. Они с папой перебрались в нашу старую спальню, а комнату девочек переоборудовали в ванную – еще в восьмидесятые, судя по миленькой сантехнике, зеленой, как авокадо. Пока Кевин там плескался, я вышел на лестницу – слух у мамы как у летучей мыши – и позвонил Оливии.

Время уже близилось к полуночи.

– Она спит, – сказала Лив. – И очень разочарована.

– Знаю. Просто хотел еще раз сказать спасибо и извиниться. Я окончательно испортил тебе свидание?

– Да. А ты думал, официант приставит к столику третий стул и Холли будет обсуждать с нами букеровских номинан-

тов за лососем *en croute*?⁷

– У меня тут завтра еще дела, но я постараюсь забрать ее до ужина. Может, вы с Дермотом переиграете?

Она вздохнула:

– Что там у тебя? Все живы-здоровы?

– Пока толком не знаю, – сказал я. – Вот, пытаюсь разобраться. Надеюсь, завтра прояснится.

Молчание. Я думал, Лив обозлится на мою уклончивость, но она мягко спросила:

– Фрэнк, ну а сам-то ты как? Нормально?

Только не хватало, чтобы именно сегодня вечером Оливия проявила понимание. По телу разлилось обманчивое, убаюкивающее тепло.

– Лучше некуда, – сказал я. – Мне пора. Поцелуй за меня Холли с утра. Завтра позвоню.

Мы с Кевином разложили диван и улеглись валетом, чтобы чувствовать себя тусовщиками, вырубившимися после бурной ночи, а не малышами, спящими на одном матрасе. Лежа в узорах тусклого света, проникающего сквозь кружевные занавески, мы прислушивались к дыханию друг друга. В углу зловещим красным огнем светилось Пресвятое сердце на маминой статуэтке Христа Спасителя. Я представил лицо Оливии, случись ей увидеть эту статуэтку.

– Рад тебя видеть, – тихонько сказал Кевин.

Его лицо скрывала тень, я видел только ладони на одеяле.

⁷ В кляре (*фр.*).

Кевин рассеянно потирал большим пальцем костяшки.

– И я тебя, – отозвался я. – Хорошо выглядишь. Поверить не могу, что ты меня перерос.

Кевин хмыкнул:

– Но драться с тобой все равно не рискну.

Я тоже рассмеялся:

– Правильно. Я теперь спец по рукопашному бою.

– Серьезно?

– Не-а. Мое дело – бумажки кропать и не влипать в передряги.

Кевин повернулся на бок лицом ко мне и подложил руку под голову.

– Можно вопрос? Чего ты в полицию подался?

Из-за таких, как я, копов никогда не посылают служить в родные края. Если начистоту, чуть ли не все, с кем я вырос, хоть по мелочи, да нарушали закон – не от испорченности, а чтобы свести концы с концами. Половина нашей улицы жила на пособие, и каждый таскал все, что не прикручено, особенно перед новым учебным годом, когда детям нужны были учебники и форма. Как-то зимой Кевин и Джеки подхватили бронхит, а Кармела тогда работала продавщицей в супермаркете и принесла оттуда мясо, чтоб они сил набрались. Никто и не спросил, на какие шиши она его купила. В семь лет я уже умел подкручивать газовый счетчик, чтобы ма могла приготовить ужин. Ни один консультант по кадрам не опознал бы во мне будущего полицейского.

– Звучало круто, вот и все, – сказал я. – Разве плохо, когда тебе платят за движуху?

– И как, круто оказалось?

– Иногда.

Кевин выжидающе смотрел на меня.

– Когда Джеки нам сообщила, – наконец сказал он, – у отца чуть колпак не сорвало.

Па начинал штукатуром, но к моменту нашего появления на свет переквалифицировался в штатного пьянчугу, а по совместительству прикарманивал все, что плохо лежало. Думаю, он предпочел бы видеть меня мальчиком по вызову.

– Да уж, – сказал я. – Это еще цветочки. Ты мне вот что скажи: что произошло после того, как я сбежал?

Кевин перевернулся на спину и закинул руки за голову.

– А у Джеки ты не спрашивал?

– Джеки было девять. Она не знает, что помнит, а что придумала. Говорит, миссис Дейли врач в белом халате забрал.

– Не было врачей, – сказал Кевин. – По крайней мере, я не видел.

Он уставился в потолок. В свете уличного фонаря, проникающем в окно, его глаза поблескивали, как темные омуты.

– Я помню Рози, – сказал он. – Понятно, я сопляком еще был, но... Помню как вчера, веришь, нет? И волосы, и смех, и походку... Красотка!

– Это точно, – сказал я.

Дублин был тогда каким-то серо-буро-бежевым, а в Рози

сочеталась дюжина ярких цветов: грива медных кудрей до пояса, глаза будто осколки зеленого стекла на солнце, алые губы, белая кожа, золотые веснушки... По Рози Дейли сохло полрайона, но ей на это было плевать, что делало ее только еще более желанной, она же не считала себя какой-то особенной. От линий ее фигуры кружилась голова, но она держалась с той же непринужденностью, с какой носила залатанные джинсы.

В то время монашки вдалбливали девочкам, что женское тело – то ли выгребная яма, то ли банковский сейф, а все мальчишки – грязные маленькие грабители. Как-то летним вечером – нам было лет двенадцать, и до нас еще не дошло, что мы друг в друга влюблены, – мы с Рози играли в доктора. До того я обнаженных женщин в глаза не видал, разве что декольте на черно-белой киноплёнке, а тут Рози сбросила с себя одежду в угол, будто она ей только мешалась, и, сияющая, смеющаяся, закружилась в полумраке дома шестнадцать, вскинув ладони. Как вспомню, до сих пор захватывает дух. Вот что такое была моя Роза. По малолетству я не понимал даже, чего от нее хочу, знал только, что даже Мона Лиза, шествующая по Большому каньону со Святым Граалем в одной руке и выигрышным лотерейным билетом в другой, и та не могла бы с ней сравниться.

– Вообще-то мы не сразу заподозрили неладное, – тихо сказал Кевин в потолок. – Ясное дело, мы с Шаем заметили, что тебя нет, когда проснулись. Ну, думаем, куда-нибудь по-

шел. А сели завтракать – влетает миссис Дейли, голосит, тебя ищет. Когда мы сказали, что тебя нет, у нее, блин, чуть инфаркт не случился, вопила как резаная, мол, вещи Розы пропали, и это ты не то с ней сбежал, не то ее похитил, – не знаю, что она себе навоображала. Па давай орать в ответ, ма пыталась их заткнуть, пока соседи не услышали...

– Ага, разбежалась, – сказал я. (Миссис Дейли была безумна по-своему, но глотка у нее была не менее луженая, чем у нашей мамы.)

– Вот-вот. Слышим, через дорогу тоже кто-то орет. Мы с Джеки выглянули посмотреть, а это мистер Дейли остаток Розиного шмотья из окна швыряет. Вся улица собралась глаза попялить. Цирк, да и только! – Он ухмыльнулся.

Я тоже невольно расплылся в улыбке:

– Жаль, я не видел!

– Ага. Чуть до потасовки не дошло. Миссис Дейли обзывала тебя мелким срамником, а ма назвала Розы мелкой шалавой, дескать, яблочко от яблоньки. Миссис Дейли так и озверела!

– Я бы на маму поставил – у нее преимущество в весе.

– Молись, чтоб она тебя не слышала!

– Она могла просто усесться на миссис Дейли сверху и не слезать, пока та не попросит пощады!

Мы по-детски давились смехом в темноте.

– Зато миссис Дейли была во всеоружии, – сказал Кевин. – Эти ее когти...

– Да иди ты! Она до сих пор так ходит?
– Еще длиннее отрастила. Прямо эти, как их...
– Садовые грабли?
– Не! У ниндзя такие... Точно! Сюрикэны!
– И кто победил?
– Пожалуй, что ма. Она вытолкала миссис Дейли на лестницу и захлопнула дверь. Та верещала, ломилась в дверь и все такое, но потом сдалась и пошла лаяться с мистером Дейли из-за Розиных вещей. Впору было билеты продавать! Почтище любого сериала.

В нашей старой спальне зашелся надсадным кашлем отец, отчего кровать забила о стену. Мы замерли и прислушались. Наконец па с присвистом засопел.

– На этом, в общем-то, и кончилось, – продолжил Кевин, понизив голос. – Недели две все только об этом и трезвонили, а потом худо-бедно забыли. Ма и миссис Дейли несколько лет не разговаривали, а па с мистером Дейли и до того дружбу не водил, так что особой разницы никто не заметил. Каждое Рождество ма лопалась от злости, не получив от тебя открытку, но...

Но в восьмидесятые у молодежи было три главных карьерных пути: эмиграция, папочкина фирма и пособие по безработице. Ма не могла не понимать, что хоть кто-то из нас да возьмет билет в один конец.

– А она не думала, что я подох в канаве?

Кевин хрюкнул:

– Не. Говорила, мол, кто-кто, а наш Фрэнсис не пропадет. Копам мы не звонили, в розыск тебя не объявляли, но не потому что... Ну, не потому что нам пофиг было. Просто мы решили... – Диван качнулся, когда он пожал плечами.

– Что мы с Рози сбежали вместе?

– Ага. В смысле, все же знали, что вы без ума друг от друга, сечешь? И знали, что про это думает мистер Дейли. Картина-то стройная, а?

– Да, – сказал я. – Логично.

– Плюс еще записка эта. От нее-то миссис Дейли, по-моему, с цепи и сорвалась. Кто-то болтался в доме шестнадцать и записку нашел. Вроде как от Рози. Не знаю, рассказывала тебе Джеки или нет...

– Я читал, – сказал я.

Кевин приподнял голову:

– Да ладно? Ты ее видел?

– Ага.

Он помолчал, но подробностей так и не дождался.

– Когда же?.. То есть перед тем, как Рози ее там оставила? Она тебе показала?

– Нет, после. Той ночью.

– Не пойму, она тебе, что ли, ее написала? Не родителям?

– Так мне тогда показалось. Мы договорились ночью встретиться, Рози не пришла, я нашел записку. Вот и подумал, что она для меня.

Когда до меня наконец дошло, что она не шутила и дей-

ствительно не придет, потому что уже уехала, я закинул рюкзак за спину и пошел. Понедельник, утро, светает; в заиндевелем городе никого, кроме меня, дворника да нескольких усталых рабочих, возвращающихся после ночной смены в ледяной полутьме. Часы на Тринити показывали, что из Дан-Лири уже отходит первый паром.

Я обосновался в сквоте рядом с Бэггот-стрит, где гнездилась кучка вонючих обкуренных рокеров с основательным запасом гаши и бельмоглазый дворняга по кличке Кит Мун. Раньше я вроде как пересекался с этими парнями на концертах, и они решили, будто сами же и пригласили меня пожить у них. У одного из рокеров была невоющая сестра с квартирой в Ренеле, которая разрешала тем, кто ей нравился, указывать свой адрес в заявлении на пособие. Я ей, как выяснилось, больше чем нравился, так что, вписав ее адрес в свое заявление в полицейский колледж, я почти не соврал. К счастью, меня взяли и я вовремя срулил учиться в Темплмор, а то она уже начала подбивать клинья на предмет женитьбы.

Какой же сукой оказалась Роза, думал я, ведь верил каждому ее слову, она всегда выкладывала все без обиняков, даже самое неприятное. Я любил ее в том числе и за это. После жизни в такой семье, как моя, человек, который не плетет интриг, казался мне самой интригующей диковинкой на свете. Поэтому, когда Роза написала: “Обещаю, что когда-нибудь вернусь”, я верил ей двадцать два года. Все время – и пока спал с сестрой вонючего рокера, и пока гулял с разбитными,

смазливými, временными девицами, достойными лучшего, и пока был женат на Оливии и притворялся, что чувствую себя в своей тарелке в Далки, — я ждал, что Роза в любую минуту войдет в дверь.

— Ну а теперь, после сегодняшнего, что думаешь? — спросил Кевин.

— Не спрашивай, — сказал я. — Честное слово, я уже понятия не имею, что творилось у Роза в голове.

— Знаешь, Шай считает, что она умерла, — тихо сказал он. — И Джеки тоже так думает.

— Ага, — сказал я. — Известное дело.

Я услышал, как Кевин набрал воздуха, чтобы что-то сказать, но выдохнул, так и не собравшись с духом.

— Ну, чего? — спросил я.

Он покачал головой.

— Что, Кев?

— Ничего.

Я подождал.

— Просто... Не знаю я... — Он беспокойно заерзал. — Шай очень переживал, что ты уехал.

— Конечно, мы же такими закадычными корешами были.

— Нет, я знаю, что вы вечно грызлись, но в душе-то... То есть вы же все-таки братья, понимаешь?

Мало того, что это была откровенная брехня (первое мое воспоминание — как я проснулся от того, что Шай пытается продырявить мне карандашом барабанную перепонку), так

Кевин еще и сочинил ее на ходу, лишь бы я не допытывался, что он хотел сказать на самом деле. Я собрался было поднажать и вытащить из него правду, но тут входная дверь закрылась с нарочито негромким щелчком – в дом вошел Шай.

Мы с Кевином лежали молча и прислушивались. Мягкие шаги на секунду замерли на лестнице, поднялись на следующий пролет, щелкнула еще одна дверь, и над головой у нас закрипели половицы.

– Кев, – позвал я.

Кевин притворился спящим. А вскоре и правда начал ритмично посапывать.

Шай долго еще негромко расхаживал по своей квартире. Когда дом затих, я выждал пятнадцать минут, осторожно сел – пламенеющий в углу Иисус смотрел на меня так, словно насквозь видит таких, как я, – и выглянул в окно. Накапывал дождь. Все окна на Фейтфул-Плейс были темны, только из комнаты над моей головой падал мокрый желтый свет на брусчатку.

Подход ко сну у меня верблюжий: могу выспаться про запас, когда есть возможность, но могу и долго не спать, если того требуют дела. Ту ночь я провел, пялясь на темные очертания чемодана под окном, слушая папин храп и приводя в порядок мысли перед следующим днем.

Возможные объяснения спутались, как спагетти, но среди них выделялись два правдоподобных. Первое – очередное повторение вечного сюжета – я скормил своей семье: Роза решила сбежать в одиночку, заранее припрятала чемодан, чтобы дать деру, пока ее не изловил я или родители, когда же вернулась забрать вещи и оставить записку, к дому пришлось пробираться задом, потому что я следил за улицей. Не подняв шум, чемодан через ограду не перебросишь, так что она оставила чемодан и махнула навстречу новой манящей жизни – то-то я слышал шорохи на задних дворах.

Версия объясняла все, кроме билетов на паром. Даже если Роза не собиралась плыть на утреннем пароме, а думала повременить день-другой на случай, если я заявлюсь в порт, как какой-нибудь Стэнли Ковальски, она бы попыталась сделать что-нибудь со своим билетом – поменять, продать. Билеты обошлись нам в львиную долю недельной зар-

платы. Черта с два бы⁸ она оставила их гнить в камине – разве что у нее не было выбора.

По второй версии, к которой с разной долей деликатности склоняли меня Шай и Джеки, кто-то перехватил Рози по дороге к версии один или ко мне.

С версией один я смирился. На это ушло больше чем полжизни, но она пробила себе уютный уголок в моем мозгу, как пуля, засевшая так глубоко, что и не вытащишь; она меня уже почти не тревожила – главное было к ней не прикасаться. Вторая версия взорвала мне мозг.

Последний раз я видел Рози Дейли в субботу вечером накануне дня икс. Я шел на работу. Мой приятель Вигги работал ночным сторожем на автостоянке, а его приятель Стиво – вышибалой на дискотеке. Когда Стиво требовался выходной, Вигги подменял его, я – Вигги, все получали наличные и оставались довольны.

На крыльце дома четыре в цветочно-сладком облаке пышных волос и блестящего блеска для губ пересмеивались прислонившаяся к перилам Рози, Имельда Тирни и Мэнди Каллен – девчонки дожидались Джули Нолан. Вечер стоял холодный и туманный, Рози спрятала руки в рукава и дула на пальцы, Имельда зябко приплясывала. На привязанном к фонарю канате в конце улицы качались трое ребятишек, из окна Джули неслась “Порочная любовь”, и по-субботнему

⁸ Персонаж пьесы Теннесси Уильямса “Трамвай «Желание»”.

наэлектризова⁹ нный ночной воздух пах дразняще и приятно, как шипучий сидр.

– Полюбуйтесь на Фрэнсиса Мэкки! – сказала Мэнди в пространство, пихая подружек под ребра. – Вот так хаер... Нос-то не дери!

– Здорово, девчонки, – усмехнулся я.

Мэнди – маленькая, чернявая, со взбитой челкой и вся в вареной джинсе – оставила мое приветствие без внимания.

– Будь он мороженым, зализал бы себя до смерти, – сказала она подругам.

– Пусть лучше меня кто другой залижет, – сказал я, играя бровями.

Девчонки прыснули.

– Слушай, Фрэнки, – начала Имельда, тряхнув кудряшками перманента, – тут Мэнди интересуется...

Мэнди взвизгнула и кинулась зажимать Имельде рот. Та увернулась:

– Мэнди говорит, чтоб я тебя спросила...

– А ну, заткнись!

Рози засмеялась. Имельда поймала Мэнди за руки и отвела их в стороны:

– Она говорит, чтоб я спросила, хочет ли твой брат сходить в кино, но не фильм посмотреть, а...

Имельда с Рози залились хохотом. Мэнди спрятала лицо

⁹ Песня американского музыканта Эда Кобба (1965). Получила вторую жизнь в начале 1980-х в исполнении группы *Soft Cell* и стала большим хитом.

в ладони:

– Имельда, ты сучка! Я вся красная!

– Так тебе и надо, – сказал я. – Нечего младенцев совращать. Ты в курсе, что он только бриться начал?

Рози согнулась пополам от смеха:

– Да не он! Не Кевин!

– Она про Шая! – задыхаясь, выговорила Имельда. – Не хочет ли Шай сходить... – И захлебнулась смехом.

Мэнди пискнула и снова закрыла лицо руками.

– Сомневаюсь, – сказал я, сочувственно покачав головой.

Мужчины в роду Мэкки от нехватки женского внимания не страдали никогда, но Шай был особенным. Насмотревшись на него, я, едва созрев, считал в порядке вещей, что если захочешь девочку, то она сама прибежит. Роза как-то сказала, что стоит Шаю только взглянуть на девчонку, как у той лифчик расстегивается.

– По-моему, наш Шай больше по мальчикам, сечете?

Девочки снова взвыли от смеха. Обожаю девчачьи стайки при параде – вылитые подарки в разноцветной бумаге, так и хочется потискать и посмотреть, не найдется ли среди них одной для тебя. Зная наверняка, что лучший подарок принадлежит мне, я чувствовал себя Стивом Маккуином – будь у меня мотоцикл, я бы схватил ее в охапку, усадил позади себя и взлетел прямо над крышами.¹⁰

¹⁰ В фильме “Большой побег” (1963) режиссера Джона Стёрджесса герой Стива Маккуина бежит из лагеря для военнопленных на мотоцикле *Triumph TR6*

– Передам ему твои слова! – крикнула Мэнди.

Мы с Розы коротко, заговорщицки переглянулись: к тому времени, как Мэнди расскажет что-то Шаю, мы уже будем за морем и нас будет не достать.

– Да пожалуйста, – сказал я. – Только матери моей не говори, ее надо помягче подготовить.

– Мэнди его обратит, да, Мэнди?

– Ей-богу, Мельда...

Дверь дома три открылась, и вышел мистер Дейли. Он поддернул штаны, скрестил руки на груди и привалился к дверному косяку.

– Добрый вечер, мистер Дейли, – поздоровался я.

Отец Розы меня проигнорировал.

Мэнди с Имельдой подобрались и покосились на Розы.

– Мы Джули ждем, – сказала та.

– Прекрасно, я с вами подожду. – Мистер Дейли достал из кармана рубашки расплюсченную сигарету и принялся бережно ее разглаживать.

Мэнди сняла со свитера пушинку и начала ее разглядывать; Имельда оправила юбку.

Тем вечером я радовался даже мистеру Дейли – и не только при мысли о том, с каким лицом он проснется в понедельник утром.

– Вы сегодня такой нарядный, мистер Дейли. Тоже на дискотеку собрались?

Подбородок его дрогнул, но он не сводил глаз с девочек.

– Гитлер проклятый, – пробормотала Роза себе под нос, засовывая руки в карманы джинсовой куртки.

– Пойдем глянем, чего там Джули возится, – предложила Имельда.

Роза пожала плечами:

– Можно.

– Пока, Фрэнки. – Мэнди хитро улыбнулась, заиграв ямочками на щеках. – Шаю привет.

Уходя, Роза опустила веко, чуть вытянула губы – подмигивание и поцелуй, – а потом взбежала на крыльцо дома четыре и скрылась в темном коридоре, исчезнув из моей жизни.

Сотни ночей я лежал без сна в спальном мешке в окружении вонючих рокеров и Кита Муна, перебирая в памяти те последние пять минут в поисках какого-то предвестия. Я чуть умом к чертям не тронулся – чем-то она наверняка себя выдала! – но был готов всеми святыми поклясться, что ничего не упустил. А теперь вдруг выходило, что я, может, вовсе и не спятил и не самый легковверный простак в мире; возможно, я просто был прав. Какая-никакая, а разница налицо.

В записке ровным счетом ничего не говорилось о том, что она адресована мне. Я принял это как данность, ведь это меня она бросала. Но изначально-то мы много кого собирались бросить в ту ночь. Записка могла предназначаться ее роди-

телям, подругам, всей Фейтфул-Плейс.

В нашей старой спальне па всхрапнул, как полузадушенный азиатский буйвол; Кевин забормотал во сне и перевернулся, откинув руку и угодив мне по лодыжкам. Дождь зарядил размеренно и тяжело.

Как я уже сказал, я стараюсь на шаг опережать жизненные подставы. Самое меньшее остаток выходных мне предстояло исходить из предпосылки, что Роза так и не покинула Фейтфул-Плейс живой.

С утра, убедив семейство Дейли, что лучше оставить чемодан в моих надежных руках и не звонить в полицию, я первым делом собирался поговорить с Имельдой, Мэнди и Джули.

* * *

Ма проснулась часов в семь; сквозь шум дождя послышался скрип пружин – она вставала с кровати. По пути в кухню она остановилась на пороге гостиной и долгую минуту глядела на нас с Кевином, думая бог знает о чем. Я прикидывался спящим. Наконец она скептически шмыгнула носом и пошла дальше.

На завтрак нас ждал целый пир: яйца, бекон, сосиски, кровавая колбаса, гренки, жареные помидоры. Ма явно на что-то намекала, хоть мне и было невдомек на что. То ли “гляди, нам и без тебя хорошо”, то ли “я по-прежнему ради тебя

в лепешку расшибаюсь, хоть ты и не заслуживаешь”, а может, “будем квиты, когда тебя от всего этого удар хватит”. О чемодане никто не заговаривал – похоже, мы разыгрывали счастливый семейный завтрак, и меня это устраивало. Кевин уписывал за обе щеки и украдкой поглядывал на меня через стол, как ребенок, присматривающийся к незнакомцу; па ел молча, разве что иногда похрюкивал, требуя добавки. Я одним глазом поглядывал в окно и обрабатывал ма.

Вопросами в лоб я бы только навлек на себя головомойку: “Ни с того ни с сего Ноланами заинтересовался? А на нас двадцать два года было наплевать?” – сполоснуть и повторить. Путь к информационному банку ма лежит через неодобрение. Накануне вечером я заметил, что дом пять выкрашен в чрезвычайно миленький нежно-розовый цвет, наверняка вызвавший мамино осуждение.

– Дом пять неплохо подновили, – сказал я, давая ей возможность возразить.

Кевин уставился на меня как на ненормального.

– Выглядит как будто телепузики сблевали, – с полным ртом сказал он.

Мамины губы превратились в узкую полоску.

– Яппи, – припечатала она диагноз. – Оба работают ай-тишниками, что бы это ни значило. Не поверишь, помощницу взяли по хозяйству. Где это слыхано? Молодую какую-то, из России, что ли, – в общем, из этих. Имя – язык сломаешь. Сыночку всего год, храни его Господь, а маму с папой неде-

лями не видит. Не знаю, зачем они вообще его завели.

Я потрясенно ахал в нужных местах:

– А Хэлли теперь где? И миссис Маллиган?

– Хэлли в Таллу перебрались, когда хозяин дом продал.

Я вас пятерых в этой самой квартире на ноги поставила, и ничего, обошлась как-то без помощниц по хозяйству. А эта как пить дать с обезболиванием рожала. – Ма разбила в скорородку еще одно яйцо.

Па оторвался от сосисок.

– Какой, по-твоему, год на дворе? – спросил он. – Миссис Маллиган пятнадцать лет как померла. Ей восемьдесят девять было.

Это отвлекло маму от обезболенных яппи – смерти она обожает:

– А ну-ка, угадай, кто еще умер!

Кевин закатил глаза.

– Кто? – послушно спросил я.

– Мистер Нолан. Ни дня в жизни не болел, а шел после причастия да и свалился замертво прямо посреди обедни. Обширный инфаркт. Каково?

А вот и моя лазейка. Спасибо, мистер Нолан.

– Ужасно, – сказал я. – Земля пухом. Я же когда-то с Джули Нолан был накоротке. А с ней что?

– В Слайго перебралась, – произнесла ма с мрачным удовлетворением, будто Джули сослали в Сибирь, соскребла себе на тарелку мученическую порцию яичницы и присоеди-

нилась к нам за столом. Она уже изрядно шаркала – большое бедро давало о себе знать. – Когда фабрика переехала. На похороны-то отца прикатила, а у самой физиономия морщинистая, как слоновья задница, все от солярия. Куда ты теперь ходишь на мессу, Фрэнсис?

Па фыркнул.

– Когда как, – сказал я. – А Мэнди Каллен еще тут? Маленькая такая, темненькая, еще в Шая была влюблена...

– Да они все по нему сохли, – ухмыльнулся Кевин. – Я сам пацаном начинал с девчонок, которым Шай не по зубам пришелся.

– Срамники мелкие, вот вы кто! – с нескрываемым одобрением сказал па.

– Зато сейчас на него гляньте, – сказала ма. – Мэнди вышла за хорошего парня с Нью-стрит, теперь она Мэнди Брофи, двое детей и машина. На месте этого Брофи мог бы быть наш Шай, не будь он таким лоботрясом. А ты, юноша, – ма нацелилась вилкой в Кевина, – тем же кончишь, если в разум не войдешь.

Кевин сосредоточился на своей тарелке:

– У меня и так все путем.

– Рано или поздно придется остепениться. Не вечно же куролесить. Лет-то тебе сколько?

Меня безбрачием никто не попрекал, и я слегка забеспокоился – не от недостатка внимания, а потому что снова заподозрил, что у Джеки чересчур длинный язык.

– Так Мэнди еще тут живет? – спросил я. – Надо бы к ней зайти, пока я здесь.

– По-прежнему в доме девять, – с готовностью сказала ма. – Мистер и миссис Каллен – на нижнем этаже, а Мэнди с семьей – на остальных двух, за родителями приглядывает. Славная девочка эта Мэнди, каждую среду маму в клинику возит насчет костей, а по пятницам...

Сквозь ритмичный стук дождя пробились какие-то посторонние звуки. Я перестал слушать ма. Хлюпанье шагов приближалось – и не одна пара ног; голоса. Я отложил вилку с ножом и быстро подошел к окну (*Фрэнсис Мэки, скажи на милость, ты куда это собрался?*). Столько лет прошло, а походка у Норы Дейли по-прежнему точь-в-точь как у сестры.

– Мне нужен мешок для мусора, – сказал я.

– Ему готовишь, а он еле клюет, – рявкнула ма, указав ножом на мою тарелку. – Сядь и доешь.

– Потом. Где у вас мусорные мешки?

Ма опустила все свои подбородки в предвкушении свары:

– Не знаю, как у тебя заведено, но в моем доме едой не разбрасываются. Вот доешь, потом будешь вопросы задавать.

– Ма, мне некогда. Дейли приехали. – Я выдвинул ящик, где раньше обретались мешки для мусора, но нашел только бережно сложенное кружевное черт-те что.

– Задвинь ящик! Хозяйничает, как у себя дома...

Умница Кевин предусмотрительно опустил голову.

– С чего ты взял, что Дейли хотят видеть твою страхолюдную рожу? – поинтересовался па. – Они наверняка винят во всем тебя.

– Ишь, важный какой!..

– Наверняка, – согласился я, рывком вытягивая один ящик за другим. – Но я все-таки покажу им чемодан и не хочу, чтобы он намок под дождем. Да где эти сраные... – Найти мне удалось только промышленные запасы мебельного полироля.

– А ну не выражайся! От маминой стряпни нос воротит...

– погоди, вот обуюсь и с тобой пойду, – сказал па. – Полюбуюсь на физиономию Мэтта Дейли.

А Оливия еще хотела, чтобы я привел в этот дом Холли.

– Нет уж, спасибо, – сказал я.

– Тебя чем на завтрак дома кормят? Икрой?

– Фрэнк, – терпение Кевина лопнуло, – под мойкой.

Я открыл шкафчик и, слава Христу, обнаружил свой Грааль – рулон мусорных мешков. Оторвав один мешок, я направился в гостиную, по дороге спросив Кевина:

– Составишь компанию?

Па был прав, Дейли не самые горячие мои поклонники, но на Кевина вроде бы никто зуб не точил.

Брат отодвинул стул.

– Хвала яйцам, – сказал он.

В гостиной я как можно аккуратнее завернул чемодан в мусорный мешок.

– Господи, – сказал я. Ма продолжала бушевать (*Кевин Винсент Мэкки! Сейчас же вернись и...*). – Тут еще больший дурдом, чем я помнил.

Кевин пожал плечами и надел куртку:

– Они успокоятся, как мы уйдем.

– Кто разрешил вам встать из-за стола? Фрэнсис! Кевин!

Вы слышите?

– Заткни фонтан, – отрезал па. – Я тут пожрать пытаюсь.

Отец говорил довольно спокойно, но от одного только звука его голоса я невольно стиснул зубы. Кевин на секунду зажмурился.

– Пошли отсюда, – сказал я. – Хочу догнать Нору, пока она не уехала.

Я спустился по лестнице, осторожно неся в вытянутых руках чемодан с уликами. Кевин придержал мне дверь. Улица была пуста, Дейли уже скрылись в доме три.

Мощный порыв ветра ударил меня в грудь, как гигантская ладонь, преграждающая дорогу.

* * *

Сколько себя помню, родители и Дейли на дух друг друга не переносили по множеству запутанных причин, разбираясь в которых человек посторонний только даром надорвется. Когда у нас с Розы все закрутилось, я попытался было навести справки, хотел понять, почему мистер Дейли на стен-

ку лезет при одной мысли о нашем романе, но почти наверняка лишь хватил по верхам. Отчасти дело было в том, что мужчины Дейли работали на гиннесовской пивоварне и потому ставили себя выше всех остальных: солидная работа, хорошая зарплата и шанс выйти в люди. Отец Розы ходил на вечерние курсы, божился пробиться выше конвейера и сейчас, как я узнал от Джеки, стал каким-то начальником, так что они выкупили дом три у владельца. Мои родители недолюбливали “выскочек”, Дейли недолюбливали безработных алкоголиков и дармоедов. По мнению мамы, не обошлось и без зависти – она-то запросто нас пятерых родила, а Тереза Дейли только и сподобилась на двух девок, ни одного сына мужу не подарила, – но, если вовремя не перевести тему, ма принималась судачить о выкидышах миссис Дейли.

Ма и миссис Дейли, как правило, худо-бедно ладили: женщины предпочитают враждовать на близком расстоянии, а то как бы поводы для ненависти не истощились. Зато па с мистером Дейли на моей памяти и двух слов друг другу не сказали. Некое подобие общения – и я никогда не понимал, при чем тут вопросы трудоустройства и акушерской зависти, – завязывалось между ними пару раз в год, когда па нагружался сверх обычного и на неверных ногах плелся мимо нашего дома напрямик к дому три. По дороге он спотыкался, пинал перила и с ревом призывал Мэтта Дейли выйти и разобраться по-мужски. Выходили ма и Шай – или, если ма тем вечером убиралась в какой-нибудь конторе, Кармела,

Шай и я – и уламывали его отправиться домой. Чувствовалось, что вся улица слушает, перешептывается и наслаждается, но Дейли никогда не открывали окно, никогда не включали свет. Сложнее всего было не уронить па на повороте лестницы.

– Как войдем, – сказал я Кевину, когда мы прорвались через дождь и брат постучал в дверь дома три, – говорить будешь ты.

Он оторопел:

– Я? Почему я?

– Сделай мне приятное. Расскажешь им, откуда взялась эта штука, а дальше уж я сам.

В восторг он не пришел, но наш Кев всегда отличался покладистостью, и, не успев придумать, как помягче сказать мне, что свою грязную работу мне придется делать самому, как дверь открылась и в проем высунулась миссис Дейли.

– Здравствуй, Ке... – начала было она и осеклась, узнав меня. Глаза у нее изумленно округлились, из груди вырвался какой-то икающий всхлип.

– Миссис Дейли, простите за беспокойство, – невозмутимо сказал я. – Пустите нас на минутку?

Она приложила ладонь к груди. Насчет ногтей Кев правду сказал.

– Я не...

Каждый коп умеет пройти в дверь мимо человека, которого одолевают сомнения.

– Не промочить бы под дождем, – сказал я, пропихивая чемодан в прихожую. – Кажется, вам с мистером Дейли стоит на это взглянуть.

Кевин конфузливо проследовал за мной.

– Мэтт!.. – визгливо позвала миссис Дейли, не сводя с нас глаз.

– Мам! – Из гостиной вышла Нора, совсем взрослая, ее платье это только подчеркивало. – Кто... Господи! *Фрэнсис?*

– Собственной персоной. Привет, Нора.

– Боже святой, – сказала Нора. Затем взгляд ее скользнул мне через плечо – в сторону лестницы.

Я помнил мистера Дейли эдаким Шварценеггером в вязаной кофте, но он оказался поджарым осанистым мужчиной небольшого роста с очень короткой стрижкой и упрямым подбородком. Подбородок стал еще упрямее, пока он неторопливо разглядывал меня.

– Нам нечего тебе сказать, – наконец объявил он.

Я покосился на Кевина.

– Мистер Дейли, – незамедлительно вмешался тот, – нам надо кое-что вам показать.

– Ты можешь показывать нам что угодно. А брат твой пускай выметается из моего дома.

– Конечно, понимаю, он ни за что бы не пришел, но у нас нет выбора, ей-богу. Это важно. Честное слово. Можно мы... Пожалуйста!

Кевин переминался с ноги на ногу, откидывал с глаз

непослушную челку, весь из себя смущенный, неуклюжий и взволнованный; выставить его из дома было бы все равно что пнуть большого пушистого пса. Неудивительно, что малыш избрал своим поприщем торговлю.

– Мы бы не стали вас беспокоить, – робко добавил он для верности, – но у нас нет другого выхода. Всего пять минут!

После паузы мистер Дейли сухо, неохотно кивнул. Дорого бы я дал за надувную куклу в виде Кевина, чтобы возить ее с собой в машине и вытаскивать при необходимости.

Нас провели в гостиную, более светлую и аскетично обставленную, чем родительская: однотонный бежевый ковер, кремовая краска вместо обоев, в рамках на стене – фотография Иоанна Павла Второго и старый профсоюзный плакат; ни тебе кружевных салфеточек, ни гипсовых уток. Даже в детстве, когда мы свободно носились по домам друг друга, в этой комнате я ни разу не бывал и долгое время мучительно, жгуче мечтал, чтобы меня сюда пригласили, – всегда хочется того, чего ты, как тебе втолковывают, не заслуживаешь. Не думал, что попаду сюда вот так. В мечтах я видел, что обнимаю Розу, на пальце у нее кольцо, на плечах дорогушая шуба, под сердцем малыш, а во все лицо – широкая улыбка.

Нора усадила нас за журнальный столик и чуть не предложила чаю с печеньем, но вовремя спохватилась. Я положил чемодан на столик, со значительным видом натянул перчатки – мистер Дейли, пожалуй, единственный в округе, кто скорее пустит в гостиную копа, чем одного из Мэки, – и

развернул мусорный мешок.

– Кто-нибудь из вас раньше это видел? – спросил я.

Секундное молчание. Вдруг миссис Дейли то ли ахнула, то ли застонала и потянулась к чемодану. Я успел предостерегающе выставить руку:

– Попрошу не прикасаться.

– Где... – резко начал мистер Дейли и со свистом втянул в себя воздух. – Где ты его взял?

– Узнаёте? – спросил я.

– Это мой, – сказала миссис Дейли, прижав ко рту кулак. – Я его в свадебное путешествие брала.

– Где ты его взял? – повысил голос мистер Дейли. По его лицу разлился нездоровый румянец.

Я со значением взглянул на Кевина, приподняв бровь. В целом обстоятельства он изложил вполне доходчиво – и про строителей рассказал, и про свидетельство о рождении, и про телефонные звонки. Я в нужные моменты доставал некоторые предметы для наглядности, как стюардесса показывает спасательный жилет, и наблюдал за Дейли.

Когда я уехал, Норе было лет тринадцать-четырнадцать – сутулая нескладная девчонка с буйными кудряшками, рано развившаяся и, похоже, не особо радовавшаяся этому. В результате все у нее сложилось как надо: та же сногшибательная фигура, что у Розы, сейчас чуть раздавшаяся, но все еще шикарная; в наши дни, когда девицы морят себя голодом, стремясь к нулевому размеру, вечно издерганные, такую фи-

гуру редко встретишь. Нора была на пару дюймов ниже сестры и не такая яркая – темные волосы, серые глаза, – и все-таки они были очень похожи, особенно если не в упор разглядывать, а мельком, краем глаза. Что-то неуловимое: разворот плеч, изгиб шеи, то, как она слушала – совершенно неподвижно, обхватив ладонью локоть другой руки, глядя прямо на Кевина. Немногие умеют тихо сидеть и слушать. Розы в этом не знала равных.

Миссис Дейли тоже изменилась, но не в лучшую сторону. Я помню, как она, запальчивая, курила на крыльце и, упершись бедром в перила, выдавала двусмысленности, от которых мы, мальчишки, заливались краской и припускали прочь под ее грудной смех. То ли исчезновение Розы, то ли просто двадцать два года жизни и мистер Дейли ее так потрепали, но спина у нее сгорбилась, лицо осунулось – в общем, молочный коктейль с антидепрессантами ей бы не помешал. Внезапно меня резануло то, чего я не видел, когда мы были подростками, а она для нас – древней старухой: невзирая на синие тени для век, начес и легкое помешательство, она поразительно напоминала Розы. Разглядев это сходство, я уже не мог его не замечать, оно вспыхивало и пропадало на периферии моего зрения, словно голограмма. От мысли, что с годами Розы могла превратиться в свою мать, мне стало не по себе.

Зато чем дольше я смотрел на мистера Дейли, тем ярче в нем проглядывал свойственный ему свободный дух. Пара

перешитых пуговиц на несуразной вязаной безрукавке, аккуратно выстриженные волосы в ушах, свежевыбритый подбородок – должно быть, накануне он брал бритву с собой к Норе и побрился, перед тем как она повезла родителей домой. Миссис Дейли вздрагивала, поскуливала и кусала ладонь, пока я перебирал содержимое чемодана, а Нора пару раз глубоко вздыхала и откидывала голову назад, часто моргая. Мистер Дейли не менялся в лице, разве что становился все бледнее да щека дернулась, когда я показал свидетельство о рождении, – и все.

Кевин закончил и вопросительно взглянул на меня, пытаюсь понять, все ли рассказал правильно. Я снова убрал огурцовую блузку Розы в чемодан и закрыл крышку. На секунду воцарилась полная тишина.

Наконец миссис Дейли чуть слышно спросила:

– Но как чемодан оказался в шестнадцатом доме? Розы с ним в Англию уехала.

От убежденности в ее голосе у меня упало сердце.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

Она недоуменно посмотрела на меня:

– Чемодан пропал вместе с Розы.

– Почему вы так уверены, что она уехала в Англию?

– Так она записку оставила. Прощальную. Ее мальчишки Шонесси и один из ребят Салли Хирн на следующий день принесли. Сказали, в шестнадцатом нашли. Там прямо было написано, что Розы уезжает в Англию. Мы сначала подумали,

что вы оба... — Когда мистер Дейли пошевелился, вернее, слегка дернулся от гнева, миссис Дейли быстро заморгала и замолчала.

Я притворился, что не заметил, и согласился:

— Да, пожалуй, все так подумали. А когда вы узнали, что мы не вместе?

Никто не ответил, и тут подала голос Нора:

— Давным-давно. Лет пятнадцать назад, еще до моего замужества. Я как-то встретила Джеки в магазине, и она сказала, что вы снова общаетесь и что ты здесь, в Дублине. Сказала, что Роза уехала без тебя. — Нора переводила взгляд с меня на чемодан и обратно, глаза ее все больше округлялись. — Думаешь, она... Где она, как ты думаешь?

— Я пока ничего не думаю, — сказал я самым официальным своим голосом, будто речь шла о пропавшей незнакомке. — Нам пока известно слишком мало. Она хоть как-то с вами связывалась с тех пор, как уехала? Звонила, писала, передавала весточку через кого-то, кто случайно с ней столкнулся?

Миссис Дейли будто прорвало:

— Да у нас же телефона тогда не было, как бы она позвонила? А как телефон установили, я записала номер и пошла к твоей маме, пошла к Джеки и Кармеле и говорю, мол, если ваш Фрэнсис объявится, дайте ему этот номер, пусть передаст Роза, чтобы позвонила нам хоть на минутку, на Рождество или... Но конечно, когда я услышала, что она не с тобой, я поняла, что она не позвонит, номера-то у нее так и нет. На-

писать она, понятно, могла, да ведь Роза всегда поступала по собственному разумению. Но в феврале мне стукнет шестьдесят пять, и уж на юбилей-то она открытку отправит...

Она говорила все быстрее и пронзительней, в голосе появился трескучий надлом. Мистер Дейли протянул руку и на миг стиснул руку жены. Миссис Дейли закусил губу. Кевин сидел с таким видом, словно пытался стечь в щель между диванными подушками и исчезнуть.

– Нет. Ни словечка. Сначала мы просто думали... – тихо сказала Нора и быстро взглянула на отца: по ее мнению, Роза была уверена, что после побега со мной семья от нее отреклась. – Даже когда мы слышали, что ты не с ней, все равно думали, что она в Англии.

Миссис Дейли запрокинула голову и смахнула слезу.

Ну вот и все, не выйдет покончить с этой историей на раздва, сделать семье ручкой, стереть из памяти вчерашний вечер и вернуться к относительно нормальной жизни; не выйдет напоить Нору и выпросить у нее номер телефона Розы.

– Надо позвонить в полицию, – ни на кого не глядя, с трудом выговорил мистер Дейли.

Мне почти удалось не выдать сомнений:

– Ну да. Вы можете позвонить. У моих это тоже было первым побуждением, но я подумал, вы должны сами решить, стоит ли.

Он с подозрением уставился на меня:

– А почему нет?

Я вздохнул и провел рукой по волосам.

– Видите ли, я бы и рад пообещать вам, что копы уделят этому должное внимание, но не могу. В идеале чемодан должны для начала проверить на отпечатки пальцев и кровь (миссис Дейли жалобно пискнула, закрыв лицо ладонями), но для этого делу должны присвоить номер и передать детективу, а детектив должен затребовать анализы. Могу сразу сказать, ничего этого не будет. Никто не станет транжирить ресурсы на то, что может оказаться вовсе не преступлением. Общий отдел, отдел по розыску пропавших и отдел висяков несколько месяцев поперебрасывают друг другу это дело, а потом устанут, сдадутся и упрячут папку в подвал. Будьте к этому готовы.

– Ну а ты? – спросила Нора. – Ты-то можешь анализы затребовать?

Я с сожалением покачал головой:

– Нет. Официально – нет. К моей группе такое за уши не притянешь. Как только дело попадет в систему, я уже ничего не смогу.

– Ну а если... – Нора выпрямилась, собралась и пристально смотрела на меня. – Положим, им займется не система... положим, только ты. Ты мог бы... Есть ли какой-то способ...

– Без огласки попросить криминалистов об услуге? – Я приподнял брови, взвесил такую возможность. – Можно, наверное... Но вы должны точно решить, что вы этого хотите.

– Я хочу, – без колебаний сказала Нора. Она принимала

решения быстро, как Роза. – Ты уж постарайся для нас, Фрэнсис, если получится. Пожалуйста!

Миссис Дейли кивнула, выудила из рукава бумажный носовой платок и высморкалась.

– А может, она все-таки в Англии? – умоляющим тоном спросила она, и у меня кольнуло в сердце.

Кевин отвел взгляд.

– Вполне возможно, – мягко сказал я. – Если вы мне доверяете, попробую это проверить.

– Господи... – пробормотала миссис Дейли. – Господи...

– Мистер Дейли?

Долгое молчание. Мистер Дейли сидел, зажав ладони между колен, неотрывно смотрел на чемодан и словно меня не слышал.

– Не нравишься ты мне, – наконец сказал он. – И семья твоя тоже. Ни к чему притворяться.

– Да, я успел заметить, – сказал я. – Но тут я не как один из Мэкки, а как полицейский, который попытается помочь вам найти дочь.

– Без огласки, из-под полы, через черный ход. Люди не меняются.

– Видимо, нет, – вежливо улыбнулся я. – Но меняются обстоятельства. На этот раз мы заодно.

– Неужели?

– Вам остается на это надеяться, – сказал я, – потому что, кроме меня, у вас никого нет. Либо так, либо никак.

Он долго оценивающе смотрел мне в глаза. Я сидел прямо, стараясь сохранять авторитетный вид, который выработал для родительских собраний. В конце концов он резко кивнул и без намека на любезность сказал:

– Сделай. Все, что сможешь. Пожалуйста.

– Ладно. – Я достал блокнот: – Расскажите мне, как уехала Роза. Начните со дня накануне. И как можно подробнее, пожалуйста.

Они хранили в памяти все, как любая семья, потерявшая ребенка, – как-то раз одна мать показывала мне, из какого стакана пил ее сын утром того дня, когда умер от передозировки. Было воскресное утро, рождественский пост, мороз, серо-белое небо, пар от дыхания туманом повисал в воздухе. Накануне вечером Роза вернулась домой пораньше, поэтому утром отправилась на девятичасовую мессу с семьей, вместо того чтобы отоспаться и пойти на полуденную, как поступала, если в субботу задерживалась допоздна. Вернувшись домой, они позавтракали яичницей – в те времена поевшим перед причастием приходилось отмаливать грех. Роза гладила, ее мать стирала, и они сообща решали, когда купить окорок к рождественскому столу; у меня на секунду перехватило дыхание при мысли о том, что Роза преспокойно обсуждала угощение, которое не собиралась есть, мечтая провести Рождество со мной вдвоем. Незадолго до полудня девочки прогулялись до Нью-стрит, чтобы привести бабушку Дейли на воскресный обед, а потом все вместе смотрели

телевизор, и это тоже ставило Дейли на ступеньку выше нас, простонародья, – у них был собственный телевизор. Обратный снобизм – забавная штука; я заново открывал для себя тонкие нюансы, о которых почти позабыл.

Остаток дня тоже был небогат на события. Девочки проводили бабушку домой, Нора ушла гулять с двумя подругами, Рози удалилась в спальню почитать, а может, собрать вещи, написать ту самую записку или посидеть на краю кровати и глубоко подышать. Ужин, снова домашние хлопоты, снова телевизор, помощь Норе с математикой – за весь день ни намек, что Рози что-то затевает.

– Ангел, – мрачно сказал мистер Дейли. – Всю неделю она вела себя как ангел. Как только я не догадался...

Нора пошла спать около половины одиннадцатого, остальные – чуть позже одиннадцати: на завтра Рози с папой рано вставать на работу. Девочки спали в одной спальне, родители – в другой; никаких раскладных диванов для Дейли, избавьте. Нора помнила, как Рози шуршала, переодеваясь в пижаму, как шепнула “спокойной ночи”, забираясь в постель, а больше ничего. Она не слышала ни как Рози снова встала, ни как она оделась, ни как выскользнула из комнаты и из квартиры.

– Я тогда спала как убитая, – сказала она в свою защиту, будто отбиваясь от града упреков. – Сам знаешь, все подростки одинаковые...

Утром, когда миссис Дейли пришла будить девочек, Рози

не было.

Сначала они волновались не больше, чем моя семья в доме напротив, — насколько я понял, мистер Дейли немного проехался насчет обнаглевшей современной молодежи, но этим все и ограничилось. В Дублине восьмидесятых было спокойно, как дома, и все решили, что Роза улизнула с утра пораньше, чтобы встретиться с подругами или еще по каким загадочным девичьим делам. А потом, когда Роза не явилась и к завтраку, ребята Шонесси и Барри Хирн принесли записку.

Неизвестно, что забыла эта троица в доме шестнадцать спозаранку в понедельник, но, сдается мне, без травки или порнухи не обошлось, в то время по рукам ходила парочка заветных журналов, которые годом раньше привез из Англии чей-то кузен. Как бы то ни было, тут-то и поднялась свистопляска. Дейли расписывали дальнейшие события не в таких ярких красках, как Кевин, — пока они рассказывали, брат пару раз украдкой покосился на меня, — но в общих чертах картина совпадала.

Я кивнул на чемодан:

— Где он лежал?

— У девочек в спальне, — сказала миссис Дейли в кулак. — Роза хранила в нем одежду, старые игрушки и прочее, у нас тогда встроенных шкафов не было, да их ни у кого не было...

— Кто-нибудь из вас помнит, когда видел его последний раз?

Никто не помнил.

– Может, что и за несколько месяцев, – сказала Нора. – Она его под кроватью держала, я его видела, только когда она оттуда что-нибудь вытаскивала.

– А когда она последний раз пользовалась чем-то из того, что там хранила? Кассеты слушала, надевала что-нибудь из одежды?

Молчание.

Вдруг Нора резко выпрямилась и, чуть повысив голос, сказала:

– Плеер. Я его видела в четверг, за три дня до того, как она убежала. Я обычно доставала его из ее прикроватной тумбочки, когда возвращалась из школы, и слушала ее кассеты, пока она с работы не придет. Если бы Рози меня поймала, мне бы досталось по первое число, но оно того стоило, у нее всегда были лучшие записи...

– Почему ты так уверена, что видела плеер именно в четверг?

– Я его по четвергам брала. Рози с Имельдой Тирни – помнишь Имельду? – на швейной фабрике работали и по четвергам и пятницам вместе туда ходили, так что Рози плеер дома оставляла. А в остальные дни Имельда работала в другую смену, Рози шла одна, а по дороге слушала плеер.

– Значит, ты могла видеть его и в пятницу.

Нора покачала головой:

– По пятницам мы с девчонками после школы в кино хо-

дили. И в ту пятницу пошли, я помню, потому что... — Она вспыхнула, осеклась и покосилась на отца.

— Нора помнит, потому что после побега Розы я еще не скоро пустил ее шляться где ни попадя, — без обиняков сказал мистер Дейли. — Одну дочь мы потеряли, потому что распустили, второй я рисковать не собирался.

— Справедливо, — кивнул я, будто ничего разумнее в жизни не слышал. — То есть после вечера четверга этих вещей никто из вас не видел?

Все покачали головами. Если Розы не собрала вещи до четверга, ей было непросто выкроить минутку и спрятать чемодан самой, учитывая звериное чутье папаши Дейли. Становилось все более вероятным, что чемодан спрятал кто-то другой.

— Не замечали, может, кто вокруг нее крутился, приставал к ней? Кто-то подозрительный? — спросил я.

В глазах мистера Дейли читалось: “Кто-то, кроме тебя?” — но он сдержался и спокойно сказал:

— Заметь я, что к ней кто-то пристаёт, я бы с ним быстро разобрался.

— А могла она с кем-то поссориться?

— Если и так, нам она ничего не говорила. Ты наверняка лучше нас знаешь. Много ли девчонки в таком возрасте родителям рассказывают?

— И последнее. — Я порылся в куртке, достал пачку конвертов, в каждом по фотографии, и раздал всем троим Дей-

ли: – Кто-то из вас узнаёт эту женщину?

Как они ни напрягали память, никого не осенило, и ничего странного, потому что Дактилоскопическая Фифи – учительница алгебры из Небраски, чьи снимки я скачал из интернета. Фифи везде со мной. Вокруг ее фоток превосходная широкая белая рамка, так что их не приходится бережно держать за край, а поскольку Фифи – возможно, самое непримечательное существо на планете, приходится хорошенько приглядеться, держа снимок большими и указательными пальцами, прежде чем с уверенностью сказать, что ее не знаешь. Я обязан моей Фифи многими негласными опознаниями. Сегодня она должна была помочь мне выяснить, не осталось ли на чемодане отпечатков кого-то из Дейли.

Что заставило мои антенны завибрировать и потянуться в сторону их семейки, так это сводящий с ума, хоть и мизерный шанс, что Роза все-таки собиралась со мной встретиться. Если бы она придерживалась нашего плана и не хотела меня бросить, то пошла бы тем же путем, что и я: за дверь, вниз по лестнице, прямо на Фейтфул-Плейс. Но каждый дюйм улицы находился у меня перед глазами всю ночь напролет, и дверь Дейли ни разу не открывалась.

Они в ту пору жили в среднем этаже дома три. Верхний этаж занимали сестры Харрисон – три экзальтированные старые девы, угощавшие нас хлебом с сахаром, когда мы помогали им по мелочам, а в цоколе обреталась жалкая больная Вероника Кротти, утверждавшая, что муж у нее коммивоя-

жер, с жалким больным малышом. Другими словами, если кто-то и помешал Рози явиться на наше randevu, этот кто-то сейчас сидел за журнальным столиком напротив меня и Кевина.

Все трое Дейли выглядели искренне потрясенными и огорченными, но это могло значить что угодно. Нора тогда была крупной девчонкой в трудном возрасте, миссис Дейли балансировала на грани помешательства, мистер Дейли обладал мускулами и перворазрядной вспыльчивостью – и видел во мне перворазрядную проблему. Рози была далеко не худышкой, а папа ее, может, и не железный Арни, но больше ни у кого в доме не достало бы сил избавиться от ее тела.

– А кто это? – спросила миссис Дейли, тревожно вглядываясь в фотографию. – Никогда ее тут не видела. Думаешь, она могла напасть на нашу Рози? Уж больно щуплая с виду... Рози была сильной девочкой, она бы никогда...

– Скорее всего, эта женщина здесь ни при чем, – честно сказал я, забирая у них конверты со снимками и аккуратно пряча их назад в карман. – Я просто прорабатываю все возможности.

– Но, по-твоему, на Рози кто-то напал, – утвердительно сказала Нора.

– Не станем спешить с выводами, – сказал я. – Сделаю несколько запросов и буду держать вас в курсе. Пожалуй, для начала информации хватит. Спасибо, что уделили время.

Кевин вскочил с кресла, будто пружиной подброшенный.

Я снял перчатки и пожал всем троим руки на прощанье, но номера телефонов просить не стал – не стоило злоупотреблять гостеприимством – и не спросил, сохранили ли они записку. У меня челюсти сводило при одной мысли о том, что могу увидеть ее снова.

Мистер Дейли проводил нас до двери, а на пороге вдруг сказал:

– Она ни разу так и не написала, и мы думали, это ты ей запрещаешь.

Возможно, это было своего рода извинение, а может, он просто съязвил напоследок.

– Роза никто был не указ, – сказал я. – Я свяжусь с вами, как только получу хоть какую-то информацию.

Послышался женский плач, и мистер Дейли закрыл за нами дверь.

Дождь перешел в легкую влажную дымку, но облака сделались плотнее и темнее – ожидалось продолжение. Ма вжимала лицо в окно гостиной, испуская лучи любопытства, чуть не спалившие мне брови. Поймав мой взгляд, она схватила тряпку и принялась ожесточенно тереть стекло.

– Отличная работа, – сказал я Кевину. – Ценю.

Тот быстро покосился на меня:

– Странно все было.

Еще бы – собственный старший брат, когда-то тыривший для него чипсы в магазине, теперь в режиме копа.

– Да ладно, – подбодрил я, – ты сработал как профи. У тебя явный талант.

Он пожал плечами:

– А теперь что?

– Положу это в машину, пока Мэтт Дейли не передумал, – держа в одной руке чемодан, я помахал маме и широко улыбнулся, – потом перекинусь парой слов со старыми знакомыми. А ты пока с родителями вместо меня попрепирайся.

У Кевина глаза от ужаса расширились.

– Господи, нет! Ни за что. Она еще после завтрака не угомонилась.

– Да ладно, Кев. Надень ракушку и сдюжь ради команды.¹¹

– Команда, срань! Сам ее взбесил, а меня на убой посылаешь? – Волосы у него встали дыбом от возмущения.

– Бинго, – сказал я. – Нельзя, чтобы она донимала Дейли и разносила сплетни по всей округе, по крайней мере пока. Мне нужен всего час, прежде чем она пойдет вразнос. Сможешь его мне обеспечить?

– И что мне делать, если она не захочет сидеть дома? Силовой захват?

– Какой у тебя номер? – Я нашел мобильник – тот, на который звонят мои агенты и осведомители, и отправил Кевину эсэмэску с текстом: “Привет”. – Вот. Если ма сбежит, просто ответь на сообщение. Я приду и сам ее подсеку. По рукам?

– Вот же сраные небеса, – буркнул Кев, не отрывая взгляда от окна.

– Молоток, – я похлопал его по спине, – настоящий боец. Встретимся здесь через час, а вечером поставлю тебе пару кружек, идет?

– Парой не отвертишься, – угрюмо сказал Кев, расправил плечи и направился навстречу расстрельной команде.

Я бережно уложил чемодан в багажник, чтобы отвезти милой даме из техотдела, чей домашний адрес мне по чистой случайности известен. У стены отирались безбровые, лысые десятилетки с проволочными вешалками наготове – приме-

¹¹ В профессиональном регби игроки надевают специальные ракушки, защищающие пах.

рялись к машинам. Не хватало мне только вернуться и обнаружить, что чемодан умыкнули. Я уперся задом в багажник, написал конверты с Дактилоскопической Фифи, покурил, буравя взглядом будущее нашей страны, пока оно не уяснило ситуацию и не отправилось вскрывать машины менее виновственных автовладельцев.

Квартира Дейли была зеркальным отражением нашей – надолго там тело было не спрятать. Если Роза погибла дома, у Дейли было два варианта. Если у мистера Дейли хватило духу, чего я отнюдь не исключал, он мог закатать ее во что-нибудь, вынести через переднюю дверь и сбросить в реку, закопать на пустыре или скормить свиньям в соответствии с милым предположением Шая. Однако в Либертис слишком велика вероятность, что это кто-нибудь увидит, запомнит и разболтает. Любви к риску я за мистером Дейли не заметил.

Человек, не склонный к авантюрам, наверняка выбрал бы задний дворик. Это сейчас половина таких двориков засажена нарядными кустами и утыкана всевозможными коваными оградками, а в те времена они прозябали захудалые и заброшенные: чахлая трава, грязь, доски, сломанная мебель да изредка покореженный велик. Ходили туда разве что по нужде и летом – стирку развешить, вся жизнь протекала перед домом, на улице. Было холодно, но не настолько, чтобы земля промерзла, вполне можно было одной ночью начать копать могилу, на следующую ночь закончить, а на третью – засыпать. Никто бы не увидел: задние дворы не освещались, и

в темные ночи без фонарика и до сортира было не дойти. Никто бы не услышал: сестры Харрисон были глухи как чушки, задние окна в подвале Вероники Кротти заколочены, чтобы не выпускать тепло, окна других соседей накрепко закрыты от декабрьских холодов. Днем, закончив, кинуть поверх могилы лист гофрированного железа, старый стол или что под руку попадется – никто второй раз не взглянет.

Без ордера дорога в этот дворик мне была заказана, а ордер на ровном месте не получишь. Я отбросил окурок и пошел обратно на Фейтфул-Плейс, поговорить с Мэнди Брофи.

* * *

Мэнди оказалась первой, кто был явно и безоговорочно рад меня видеть. От ее визга чуть стены не рухнули – я не сомневался, что ма уже снова спешит к окну.

– Фрэнсис Мэкки! Иисус, Мария и святой Иосиф! – Мэнди обрушилась на меня и обняла так, что синяки наверняка остались. – У меня чуть сердце не остановилось! Вот уж не думала, что снова увижу тебя в наших краях. Какими судьбами?

Формы и прическа позволяли безошибочно узнать в ней степенную мать семейства, но ямочки на щеках остались прежними.

– Да так, – улыбнулся я. – Решил вот, что пора вас проведать.

– Да уж еще как пора, скажу я тебе! Чего стоишь, заходи.

На полу гостиной растянулись две глазастые темноволосые девчонки.

– Ну-ка, брысь наверх, поиграйте в своей комнате. Дайте спокойно с приятелем поговорить. Вперед! – Мэнди замахала на девочек руками.

– Копии твои, – сказал я, кивнув им вслед.

– Бесята мелкие, вот они кто. Всю кровь выпили, серьезно. Ма говорит, это мне наказание за все те случаи, когда я ее малявкой доводила. – Она смахнула с дивана полураздетых кукол, конфетные фантики и сломанные мелки. – Садись сюда. Слышала, ты теперь в полиции, важная птица. Уважаю!

Мэнди улыбалась мне, держа охапку игрушек в руках, но черные глаза смотрели остро и внимательно, испытующе.

– Ну вот еще, – сказал я, одарив ее хулиганской ухмылкой. – Я просто вырос. Как и ты.

Она пожала плечами:

– Я-то не изменилась. Вокруг посмотри.

– Да и со мной та же история. Можно покинуть Фейтфул-Плейс...

– Но Фейтфул-Плейс тебя не покинет. – Еще секунду глаза ее выдавали настороженность, потом она коротко кивнула и указала ногой куклы на диван: – Садись уже. Чаю выпьешь?

И оборона пала. Нет пароля надежнее, чем твое прошлое.

– Нет, спасибо, я только что позавтракал.

Мэнди бросила игрушки в розовую пластиковую коробку

и захлопнула крышку.

– Точно? Ты не против, если я белье буду складывать, пока мы разговариваем? А то эти две мелкие мадамы вернутся и опять бедлам устроят. – Она плюхнулась на диван рядом со мной и подтянула поближе бельевую корзину. – Ты слышал, что я за Джера Брофи вышла? Он теперь шеф-повар. Ну, поесть-то он всегда был не дурак.

– Второй Гордон Рамзи, да? – Я ехидно улыбнулся. – Наверняка с поварешкой не расстанется на случай, если ты берега попутаешь?

Мэнди взвизгнула и шлепнула меня по запястью:

– Ах ты поганец, все такой же! Никакой он не Гордон Рамзи, в одной из новых гостиниц у аэропорта кулинарит. Говорит, там в основном семьи, опоздавшие на самолет, и бизнесмены, которые боятся, что их с любовницей застукают, а еда там всем до лампочки. Ей-богу, как-то утром он от скуки яичницу с бананами пожарил – хотел на реакцию их посмотреть. Так никто и слова не сказал.

– Наверное, решили, что это французская “новая кухня”. Джер молодец.

– Не знаю, что они там решили, но слопали все за милую душу – и яйца, и сосиски, и бананы.

– Джер отличный парень, – сказал я. – Вы оба молодцы. Она с хлопком встряхнула розовую кофточку.

– Конечно, Джер молодец. С ним не соскучишься. К этому давно шло. Когда мы признались маме, что обручились,

она сказала, что предвидела это еще с наших пеленок. Прямо как... – Мэнди быстро взглянула на меня, – как и большинство местных свадеб.

В былые времена Мэнди к этому моменту уже услышала бы все о чемодане плюс подробные мрачные домыслы, но сарафанное радио теперь работало с помехами, а Кевин так блестяще обработал маму, что Мэнди не напрягалась и не осторожничала – только тактично щадила мои чувства. Я расслабленно откинулся на спинку дивана и наслаждался, пока можно. Люблю беспорядок в доме, весь этот женско-детский бытовой хаос: липкие отпечатки пальцев, безделушки и горы пастельных резинок для волос на каминной полке, запах цветов и глажки.

Мы немного поболтали о том о сем: ее родители, мои родители, кто из соседей женился, кто завел детей, переехал за город или занемог какой-нибудь любопытной хворью. Имельда по-прежнему живет неподалеку, в двух минутах ходьбы, на Хэллоус-лейн, но по опущенным уголкам рта Мэнди я понял, что они уже не так часто видятся, и расспрашивать не стал. Вместо этого принялся ее смешить – заставь женщину смеяться, и ты ее почти разговорил. Смеялась Мэнди по-прежнему бархатно, весело и заразительно.

Минут через десять она как бы невзначай спросила:

– Ну а про Розу ты что-нибудь слышал?

– Ни черта, – так же непринужденно ответил я. – А ты?

– Ничего. Я думала... – снова тот же мимолетный

взгляд, — думала, может, вы общаетесь.

— Ты знала? — спросил я.

Мэнди, не поднимая глаз, сворачивала носки, но ее ресницы дрогнули.

— Ты о чем?

— Вы с Рози были накоротке. Вдруг она тебе рассказала...

— Что вы с ней лыжи наострили? Или что она...

— И то и другое.

Она пожала плечами.

— Господи, Мэнди! — сказал я, пытаясь обратить все в шутку. — Двадцать с лишним лет прошло. Обещаю не биться в истерику из-за ваших девичьих откровений. Мне просто интересно.

— Я понятия не имела, что она собирается тебя бросить. Господь свидетель, ни сном ни духом. Честное слово, Фрэнсис, я как узнала, что вы не вместе, ушам не поверила. Я-то была уверена, что вы поженились и полдюжины детей вас утомили.

— Значит, ты знала, что мы собирались уехать вместе?

— Так вы в одну ночь сбежали, нетрудно было догадаться.

Я усмехнулся и покачал головой:

— Ты сказала “бросить”. Ты знала, что мы продолжаем встречаться, хотя мы почти два года от всех скрывали. По крайней мере, я скрывал.

Мэнди скорчила гримаску и бросила носки в корзину для белья:

– Умник. Наизнанку она перед нами не выворачивалась, слова не сказала до тех пор, пока... Помнишь, примерно за неделю до того, как сбежать, вы с Рози в пабе встречались? В городе где-то.

Мы встретились в “О’Нилс” на Пирс-стрит, и все студенты головы посворачивали, когда Рози возвращалась к нашему столику, неся по кружке в каждой руке. Рози единственная из моих знакомых девчонок пила разливное и всегда платила в свой черед.

– Ага, – сказал я. – Было дело.

– Ну она и сказала отцу, что пойдет гулять со мной и Имельдой, а нас не предупредила, чтобы мы ее прикрыли, понял? Так вот, про тебя она помалкивала, мы и понятия не имели. Но в тот вечер мы с Имельдой вернулись домой рано, и мистер Дейли увидел в окно, что мы без Рози. Она допоздна пропадала... – На щеках Мэнди снова заиграли ямочки. – Вам, наверное, было о чем поговорить?

– Ага, – сказал я. Поцелуй на ночь, обжимания у стены Тринити-колледжа, мои руки на ее бедрах, я притягиваю ее к себе...

– В общем, мистер Дейли подждал ее, не ложился. На следующий день, в субботу, Рози ко мне заскочила, сказала, он от злости чуть не лопнул.

Итак, мы снова вернулись к злому и страшному мистеру Дейли.

– Представляю, – сказал я.

– Мы с Имельдой ей целый допрос учинили, но она так и не призналась, где была, сказала только, что отец в ярости. Мы и решили, что она, скорее всего, с тобой встречалась.

– Хотел бы я знать, с какой радости Мэтт Дейли на меня ополчился.

Мэнди моргнула.

– Господи, мне-то откуда знать? Они с твоим папой не в ладах, может, из-за этого. Да какая разница? Ты здесь больше не бываешь, его не видишь...

– Мэнди, Рози меня бросила, отшвырнула, как мусор, за здорово живешь, а я так и не знаю почему. Если есть объяснение, какое угодно, хотелось бы его услышать. Просто хочу знать, мог ли я это как-то предотвратить.

Я предстал в образе мужественного страдальца, и лицо Мэнди сочувственно вытянулось.

– Ах, Фрэнсис... Рози всегда было до лампочки, что ее отец о тебе думает, ты же знаешь.

– Может, и так. Но если ее что-то беспокоило, если она что-то от меня скрывала, боялась кого-то... Как далеко заходила его ярость?

Мэнди то ли растерялась, то ли насторожилась – я не понял.

– В каком смысле?

– У мистера Дейли горячий нрав, – сказал я. – Когда он впервые узнал, что Рози со мной встречается, ор поднял на всю улицу. Всегда было интересно, закончилось на этом

или... ну, или он ее бил?

Мэнди прикрыла рот ладонью:

– Господи, Фрэнсис! Она что-нибудь говорила?

– Мне – нет, она и не сказала бы, а то я бы ее папаше все ребра пересчитал. Может, она вам с Имельдой что рассказывала?

– Ой, господи, нет. Никогда она ничего такого не говорила. Наверное, сказала бы, но... Наверняка-то никогда не знаешь, да? – Мэнди задумалась, разглаживая на коленях синюю школьную блузку. – По-моему, он ни разу ее пальцем не тронул, – наконец сказала она. – Понимаешь, до мистера Дейли никак не доходило, что Роза выросла, вот и вся беда. В ту субботу, когда она ко мне зашла после того, как он ее подловил, мы втроем собирались вечером в “Апартаменты”, и Роза не могла пойти, потому что – вот без шуток! – отец у нее ключи отобрал. Как будто она ребенок, а не взрослая женщина, которая каждую неделю зарплату приносит. Сказал, дверь запрет ровно в одиннадцать, и если ее не будет дома, то пусть на улице ночует, а ты сам знаешь, в одиннадцать в “Апартаментах” все только начиналось. Видишь теперь, о чем я? Он, когда злился, не шлепал Роза, а в угол ставил, я так своих наказываю за баловство.

Мистер Дейли разом лишился моего безраздельного внимания, ордер на обыск в его саду отошел на второй план, а счастливое семейное гнездышко Мэнди утратило немалую часть своего очарования. То, что Роза не вышла из парадной

двери дома, не означало, что она пыталась ускользнуть от меня или что папаша поймал ее на горячем и разыграл мелодраму с использованием тупого предмета. Возможно, он просто не оставил ей выбора. Парадная дверь на ночь запиралась, на задней стояла изнутри щеколда, чтобы ходить в нужник без ключа, не рискуя остаться снаружи за захлопнувшейся дверью. Неважно, бежала Роза от меня или ко мне в объятия, без ключей ей оставалось только выбраться через заднюю дверь и удирать дворами, перелезая через ограды.

Версии расплзались прочь от дома три, шансы получить отпечатки с чемодана падали. Если Роза знала, что придется карабкаться через стены, то припрятала его заранее, чтобы захватить по дороге из города. А тот, кто на нее напал, возможно, и не подозревал о существовании чемодана.

Мэнди с некоторым беспокойством вглядывалась в мое лицо, пытаясь понять, достаточно ли ясно выразилась.

– Звучит убедительно, – сказал я. – Правда, Роза так просто в угол не поставишь. Она ничего не затевала? Может, стащить у папаша ключи?

– Совсем ничего. Потому-то мы и почуяли неладное. Мы с Имельдой ей сказали: “Да наплюй ты, пошли с нами! Запрет дверь, тут переночуешь”, но она отказалась, хотела его умаслить. Мы говорим: “С какого перепугу тебе выслуживаться?” – как ты подметил, это не в ее стиле. А Роза такая: “Ничего, это ненадолго”. Ну, тут мы вскинулись, все бросили и вдвоем на нее напали, мол, ну-ка, колись, но она мол-

чок. Якобы просто надеялась, что папаша скоро вернет ключи, но мы-то видели, что она недоговаривает. В чем дело, мы не знали, но что-то у нее явно было на уме.

– А подробности вы не спрашивали? Что она затевает, когда, связано ли это со мной?

– А то. Битый час ее мурыжили – я за руку щипала, Имельда подушкой лупила, чтобы призналась, но она ноль внимания, так что мы сдались и пошли собираться. Она была... Господи... – Мэнди негромко, удивленно рассмеялась; руки, проворно разбиравшие белье, замерли. – Мы сидели вон там, в гостиной, где раньше моя комната была. Только у меня одной была собственная комната, там мы всегда и встречались. Мы с Имельдой начесы сооружали – то еще было зрелище! А бирюзовые тени помнишь? Воображали себя “Бэнглз”, Синди Лопер и “Бананарамой” в одном флаконе.

– Вы были красавицы, – от чистого сердца сказал я. – Все три. В жизни таких красоток не встречал.

– Не подхалимничай. – Мэнди наморщила носик, но взгляд ее был где-то далеко. – Мы издевались над Рози, спрашивали, не подалась ли она в монашки от любви к отцу Макгрэту, прикалывались, мол, ей пойдет монашеский наряд... Рози лежала на моей кровати, смотрела в потолок и грызла ноготь – ну ты помнишь? Всегда один и тот же ноготь.

На правом указательном пальце; она грызла его, когда крепко о чем-то задумывалась. В последние пару месяцев, пока мы строили планы, она пару раз догрызла до крови.

– Помню, – сказал я.

– Я наблюдала за ней в зеркало на туалетном столике. Это была Роза, я знала ее с младенчества, но вдруг она показалась совсем другой, как будто стала старше нас, как будто уже одной ногой где-то в другом месте. Мне даже показалось, что надо бы ей что-то подарить – прощальную открытку или, может, медальон святого Христофора для удачного путешествия.

– Ты кому-нибудь об этом рассказывала? – спросил я.

– Еще чего! – отрезала Мэнди. – Я бы на нее ни в жизнь не наступала, сам знаешь.

Она выпрямилась, преисполненная негодования.

– Знаю, крошка, – сказал я, улыбнувшись ей. – Просто перепроверяю по привычке. Не обращай внимания.

– С Имельдой-то я все обсудила. Мы обе решили, что вы хотите сбежать вдвоем. Думали, это ужасно романтично – подростки, сам понимаешь... Но, кроме нее, я ни одной живой душе не говорила, даже потом. Мы были на вашей стороне, Фрэнсис, желали вам счастья.

На долю секунды мне показалось, что стоит лишь обернуться, и я увижу в соседней комнате их – трех бедовых девчонок, искрящихся энергией, предвкушением будущего и бирюзовыми тенями.

– Спасибо, милая, – сказал я. – Я тебе очень благодарен.

– Ума не приложу, почему она передумала. Я бы тебе сказала. Вы были созданы друг для друга, я и не сомнева-

лась... – Она умолкла.

– Да, – сказал я. – Я тоже.

– Господи, Фрэнсис... – полупшепотом сказала Мэнди, по-прежнему держа в неподвижных руках все ту же маленькую школьную блузку. В голосе ее слышалась глубочайшая грусть. – Господи, как же давно это было!

Улица затихла, только сверху доносилось монотонное бормотание – одна из девочек объясняла что-то другой. Мощный порыв ветра обдал окна мелким дождем.

– Давно, – согласился я. – Незаметно время пролетело.

Я ничего не рассказал Мэнди – пусть уж ма насладится на полную катушку. В дверях мы обнялись на прощанье, я поцеловал ее в щеку и пообещал скоро навестить снова. От Мэнди пахло мирным сладким запахом детства – мылом “Пэрс”, ванильным печеньем и дешевыми духами.

Кевин привалился к перилам нашего крыльца, нахохлившись, как в детстве, когда мы его, шпингалета, с собой не брали, только теперь он обзавелся мобильником и что-то всю на нем строчил.

– Подружка? – кивнул я на телефон.

Он пожал плечами:

– Вроде того. Не совсем. Я еще не нагулялся.

– Так у тебя целый гарем? Ох, Кевин, развратник!

Он ухмыльнулся:

– И что? Они все в курсе. Они и сами еще не нагулялись, мы просто развлекаемся. Ничего дурного тут нет.

– Ровным счетом ничего, – согласился я. – Только я-то думал, что ты ради меня рубишься с ма, а не играешь шаловливыми пальчиками с очередной пассией. Что случилось?

– Я рублюсь отсюда. Ма мне уже весь мозг вынесла. Если бы она пошла через дорогу к Дейли, я бы ее изловил.

– Не хочу, чтобы она всему свету растрезвонила.

– Не станет она никому трезвонить, пока не заглянет к миссис Дейли и не разведает все сочные детали. Сейчас она посуду моет и ворчит. Я пытался помочь, так она психанула, что я положил вилку в сушилку не той стороной вверх, кто-нибудь упадет и глаз себе выколет... Вот я и свалил. Сам-то ты где был? С Мэнди Брофи?

– Допустим, ты хочешь попасть из дома три в верхний конец улицы, – сказал я, – но через парадную дверь выйти не можешь. Что будешь делать?

– Задняя дверь, – не задумываясь ответил Кевин и снова уткнулся в телефон. – Через ограды по садам. Тысячу раз так делал.

– Я тоже. – Я провел пальцем через ряд домов, от третьего до пятнадцатого в верхнем конце: – Шесть садов.

Семь, считая сад Дейли. И Розы, возможно, до сих пор ждала меня в одном из них.

– погоди, – Кевин поднял взгляд от мобильного, – ты имеешь в виду сейчас или тогда?

– Какая разница?

– Гребаный пес Хэлли, вот какая. Помнишь Рэмбо? Мелкий засранец мне как-то чуть задницу не откусил.

– Господи, я и забыл про гаденыша! – воскликнул я. – Я ему однажды пинка дал.

Рэмбо, дворняга с примесью терьерской крови, весил от силы фунтов пять. Кличка развила у него наполеоновский комплекс и непомерные территориальные амбиции.

– Сейчас, когда эти идиоты выкрасили пятый под телепузиков, я бы по твоему пути пошел, – Кевин показал пальцем вдоль того же ряда домов, – а тогда, зная, что Рэмбо только и ждет, чтобы порвать меня как грелку, ни за что. Я пошел бы так.

Он повернулся, и я проследил за его пальцем: мимо

дома один, вдоль высокой ограды в нижнем конце Фейтфул-Плейс, обратно по садам четной стороны – и через стену шестнадцатого к фонарному столбу.

– А почему просто не перелезть через ограду в нижнем конце и не пойти улицей? – спросил я. – На черта сигать по дворам на нашей стороне?

Кевин ухмыльнулся:

– Ты с луны свалился, что такой фигни не знаешь? Никогда не бросал камешки Розы в окно?

– Там мистер Дейли в соседней комнате сидел. Мне мои яйца дороги.

– Лет в шестнадцать мы с Линдой Дуайер гуляли – помнишь Дуайеров из первого дома? Встречались по вечерам под окнами их дома, чтобы я ее за грудь не хватал. Эта стена... – он показал в нижний конец улицы, – с той стороны гладкая – не ухватиться. Перелезть можно только на углах, если за край второй стены подтянуться. А потом уже дворами.

– Ты просто кладезь знаний, – сказал я. – Удалось-таки Линде в лифчик залезть?

Кевин закатил глаза и принялся объяснять Линдины сложные взаимоотношения с Легионом Марии, но я думал о своем. Сомнительно, чтобы случайный псих-убийца или сексуальный маньяк шатался по задним дворам воскресной ночью в отчая¹² нной надежде, что мимо пройдет жертва. На-

¹² Католическое движение, основанное в Дублине в 1921 г., поначалу цель его

пасть на Рози мог только знакомый – он знал, что она придет, и у него был хотя бы смутный план.

За задней стеной проходила Коппер-лейн, похожая на Фейтфул-Плейс, только пошире и оживленнее. Захоти я устроить на пути, указанном Кевином, тайную встречу, засаду или еще чего, особенно в формате, подразумевающим потасовку и избавление от трупа, я бы выбрал для этого дом шестнадцать.

Вспомнились звуки, что я слышал, переминаясь с ноги на ногу от холода под тем фонарем: мужское пыхтение, приглушенные девичьи вскрики, шум возни. Влюбленный шкет – это ходячие яйца в розовых очках, любовь чудилась мне повсюду. Кажется, в ту ночь я воображал, что наша с Рози любовная горячка разносится по воздуху, словно мерцающий дурман, и клубится по Либертис, кружа голову каждому, кто ее вдохнет: измотанные заводские работяги тянулись друг к другу во сне, подростки на углу вдруг жадно впивались друг другу в губы, старики и старухи, выплюнув вставные челюсти, срывали друг с друга фланелевые ночнушки. Вот я и решил, что слышу, как развлекается какая-нибудь парочка. Не исключено, что я ошибался.

Ценой невероятных усилий я представил, что Рози все-таки шла ко мне. Если так, записка означала, что она добралась до шестнадцатого дома тем маршрутом, который указал Кевин. Чемодан означал, что она оттуда так и не вышла.

состояла в том, чтобы молитвами усмирять сексуальную распущенность.

– Пошли, – перебил я продолжавшего трепаться Кевина (“...я бы плюнул, но у нее были самые большие буфера в...”). – Поиграем там, где мамочка запрещает.

* * *

Дом шестнадцать оказался в еще большем запустении, чем я думал: по ступеням крыльца спускались глубокие борозды – рабочие вытаскивали каминь; кованые перила по сторонам лестницы кто-то умыкнул, а может, Король недвижимости их тоже продал. Громадный щит, гласивший: “Подрядчик: П. Дж. Лавери”, валялся в приямке под подвальными окнами, никто не позаботился его поднять.

– Что мы тут делаем? – спросил Кевин.

– Пока неясно, – ответил я, не покривив душой. Я знал только, что мы идем по следу Розы, пытаюсь выяснить, куда он нас приведет. – Там видно будет, ладно?

Кевин толкнул дверь и, пригнувшись, опасливо заглянул внутрь:

– Главное – в больницу не загреметь.

Прихожую пересекали причудливые тени, наслаивающиеся там, где тусклый свет сочился со всех сторон: из неплотно закрытых дверей пустых комнат, через грязное окно лестничной площадки, из высокого лестничного колодца – вместе с холодным сквозняком. Я достал фонарик. Хоть официально я больше в оперативной деятельности и не участвую,

предпочитаю быть готовым к неожиданностям. Потому-то я и ношу кожаную куртку не снимая – в карманах умещается все необходимое: фото Дактилоскопической Фифи, три пластиковых пакетика для улики, блокнот и ручка, складной нож, наручники, перчатки и тонкий мощный фонарик. Табельный “кольт” в специальной кобуре прячется на поясице, за поясом джинсов, подальше от посторонних глаз.

– Серьезно, – сказал Кевин, с подозрением глядя на темную лестницу, – мне это не нравится. Разок чихнешь – и все нам на головы обрушится.

– Мне в отделе GPS-маячок имплантировали в шею. Нас откопают.

– Правда?

– Нет. Будь мужиком, Кев, ничего с нами не случится. – Я включил фонарик и вошел в дом.

Копившаяся десятилетиями пыль поднялась в воздух и холодными вихрями закружилась вокруг нас. Ступени скрипели и зловеще прогибались под нашим весом, но выдержали. Я начал с комнаты наверху, где когда-то нашел записку Розы и где, по словам родителей, поляки обнаружили ее чемодан. На месте выломанного камина зияла гигантская зазубренная дыра, стены вокруг нее усеивали выцветшие граффити, разъяснявшие, у кого с кем любовь, кто гей и кому куда пойти. Где-то на камине, отправленном в чей-нибудь болсбриджский особняк, остались на¹³ ши с Розы ини-

¹³ Болсбридж – фешенебельный район Дублина, где сосредоточены иностран-

циалы.

Пол был завален привычным мусором – пивные банки, окурки и фантики, густой слой пыли лежал не на всех, теперь у молодежи есть места получше, да и денег побольше; отрад-но, что к мусору добавились использованные презервативы. В мое время презервативы были вне закона, и если повезло попасть в ситуацию, когда они бы не помешали, приходилось искушать судьбу и трястись от страха следующие несколь-ко недель. Все углы под потолком затянула паутина, сквозь щели в оконных рамах тонко свистел холодный ветер. Окна, уготованные какому-нибудь мерзкому деляге, жене которого захотелось немного очаровательной старины, доживали по-следние деньки. Невольно понизив голос, я сказал:

– В этой комнате я невинности лишился.

Я почувствовал на себе вопросительный взгляд Кевина, но брат сдержался и заметил только:

– Для перепихона полно мест поудобнее.

– У нас был плед. И вообще удобство – не главное. Я бы не променял этот притон на пятизвездочный пентхаус.

Кевин поежился:

– Господи, унылое местечко.

– Считай, что это атмосфера. Путешествие по закоулкам памяти.

– В задницу такие путешествия. А от закоулков памяти я стараюсь держаться подальше. Слышал, как Дейли в восьми-

ные посольства, дорогие бутики и роскошные особняки.

десятые воскресные вечера коротали? Тоска смертная: месса, а потом поганый воскресный ужин – наверняка вареный окорок, запеченная картошка и капуста!

– Сладкое не забудь. – Я провел лучом фонарика по половицам: несколько небольших дыр, несколько расщепленных досок, никаких следов ремонта – да тут любое новое торчало бы, как шпала в огороде. – Всегдашний порошковый мусс “Ангельская благодать”. На вкус как мел с клубникой, но посмей только не съесть – “В Африке дети голодают!”.

– Ага. А потом целый день нечем заняться, мерзнешь зазря на углу или в кино завалишься, а иначе сиди с предками. По телику ничего, кроме очередной проповеди отца Пустосвята о том, что от контрацепции слепнут, да и то приходилось часами проклятую антенну крутить, пока сигнал поймалась... Клянусь, иногда к вечеру воскресенья я так изнывал от скуки, что школа раем казалась.

На месте камина пустота, в дымоходе птичье гнездо сверху и многолетние подтеки белого помета. В узкий дымоход и чемодан-то насилу влезал – втиснуть туда тело взрослой женщины невозможно было даже на время.

– Зря ты, братишка, брезговал этим местом, – сказал я. – Тут вся движуха кипела – секс, наркотики, рок-н-ролл.

– Пока я дорос до движухи, здесь уже никто не собирался, одни крысы шныряли.

– Куда же без них! Они добавляли атмосферы. Пошли. – Я направился в следующую комнату, Кевин – за мной.

– Микробов они добавляли! Ты уже слинял, а тут кто-то ядом полы посыпал – Псих Джонни, видать, у него пунктик был насчет крыс из-за окопного прошлого или еще почему... В общем, несколько крыс забрались в стены и подошли – ей-богу, вонь стояла хуже, чем в свинарнике. Мы бы от тифа загнулись.

– По мне, так нормально пахнет. – Я снова обвел фонариком все вокруг, начиная подозревать, что гоняюсь за химерами. Одна ночь с родственничками – и привет, первые симптомы семейного безумия.

– Ну да, выветрилась помаленьку. Но к тому времени мы все на угол Коппер-лейн перекочевали – пустырь там помнишь? Отстой, конечно, кругом колючая проволока, зимой яйца отмораживаешь, летом крапива по шею, зато ребята с Коппер-лейн и Смитс-роуд тоже там зависали, так что и выпивка перепадала, и потискаться, и все что хочешь. Короче, сюда мы уже не вернулись.

– Много потеряли.

– Ага. – Кевин с сомнением огляделся, держа руки в карманах, прижав локти к бокам, чтобы ненароком ничего не коснуться. – Я переживу. С души воротит от этой ностальгии по восьмидесятым, когда ребятки со скуки помирали, с колючей проволокой играли, в поганных крысиных норах трахались... Чего хорошего?

Я взглянул на брата. Кевин, с его рубашкой “Ральф Лоран”, пафосными часами и стильной стрижкой, исходивший

праведным негодованием, смотрелся вопиюще неуместно. Мне вспомнилось, как он – щуплый вихрастый пацан в моих штопаных обносках – носился по этому дому и о лучшем не мечтал.

– Дело не только в этом, – сказал я.

– А в чем? Что за радость потерять невинность в гадюшнике?

– Я не говорю, что, будь моя воля, вернул бы восьмидесятые, но не выплескивай с водой ребенка. Не знаю, как ты, а я никогда не скучал. Никогда. Вот тебе информация к размышлению.

Кевин пожал плечами, пробормотал:

– Без понятия, о чем ты.

– А ты подумай и поймешь. – Я двинулся в задние комнаты, не дожидаясь Кевина: провалится сквозь гнилую половицу в потемках – его проблемы. Чуть погода брат, надувшись, присоединился ко мне.

Ничего интересного в задних комнатах, ничего интересного в комнатах первого этажа, кроме батареи бутылок из-под водки – видать, кто-то постеснялся их в свою мусорку выбрасывать. На верхней ступеньке подвальной лестницы Кевин заартачился:

– Ни за что. Вниз я не пойду. Фрэнк, я не шучу.

– Каждый раз, как ты говоришь “нет” старшему брату, Бог убивает котенка. Пошли.

– Шай как-то запер нас внизу, – сказал Кевин. – Тебя и

меня, я совсем малявкой был, помнишь?

– Не-а. Поэтому тебя здесь колбасит?

– Ни хрена меня не колбасит. Просто не понимаю, на черта себя заживо хоронить.

– Тогда подожди меня снаружи, – ответил я.

Кевин, секунду поколебавшись, покачал головой. Он пошел за мной по той же причине, по которой я взял его с собой: старые привычки не умирают.

Я спускался в этот подвал раза три. Местная городская легенда гласила, что некто по кличке Мясник Хиггинс перерезал горло своему глухонемому брату и зарыл его в подвале и с тех пор Увечный Хиггинс гоняет тех, кто вторгается в его владения, размахивая гниющими руками и страшно мыча. Братьев Хиггинс, скорее всего, выдумали обеспокоенные родители, и никто из нас в них не верил, но от подвала мы на всякий случай держались подальше. Иногда там зависали Шай и его приятели – показать, какие они крутые, – или парочка, которой приспичило перепихнуться, когда остальные комнаты были заняты, но самое интересное происходило наверху: пачки “Мальборо” по десять сигарет, дешевые двухлитровые бутылки сидра, тонюсенькие самокрутки с травкой и покер на раздевание, ни разу не доходивший до конца... Когда нам с Живчиком Хирном было лет по девять, мы на спор дотронулись до задней стены подвала, а еще смутно помню, что несколько лет спустя я привел туда Мишель Ньюджент в надежде, что она с перепугу схватится за меня,

а то и поцелует. Не тут-то было – даже в том возрасте я за-
падал на девчонок, которых так просто не напугаешь.

А однажды Шай запер нас с Кевином внутри, наверное, на час, но казалось – на несколько дней. Кевину было года два или три, и он так перепугался, что даже кричать не мог, а просто надул в штанишки. Я утешал его, пытался вышибить дверь, оторвать доски, которыми были заколочены окна, и клялся себе, что когда-нибудь все дерьмо из Шая выбью.

Я медленно обвел подвал лучом фонаря. Со времен моей юности он почти не изменился, только теперь мне стало ясно, почему родители не хотели, чтобы мы тут ошивались. Сквозь щели в кое-как заколоченных окнах падали узкие полоски блеклого света, потолок угрожающе просел, и там, где осыпались здоровенные куски штукатурки, виднелись прогнувшиеся, потрескавшиеся балки. Перегородки раскрошились и обрушились, так что подвал, по сути, превратился в одну необъятную комнату, пол местами провалился в землю – возможно, грунт осел, а на краю террасы дом ничто не подпирало. Давным-давно, прежде чем на дом окончательно махнули рукой, кто-то предпринял вялую попытку на авось залатать несколько крупных дыр бетонными плитами. Запах остался прежним – моча, плесень и грязь, – только усилился.

– Трындец... – жалостно пробурчал Кевин, мешкая на нижней ступеньке. – Трындец...

Его голос эхом отражался от дальних углов, зигзагами отскакивал от стен – казалось, кто-то бормочет в темноте. Ке-

вин вздрогнул и заткнулся.

Две плиты величиной с человека неизвестный умелец вдобавок щедро обмазал по краям цементом. Третью, кривобокую глыбу размером примерно четыре фута на три, сляпали совсем уж через задницу – и хрен с ним, с цементом.

– Доволен? – внезапно громко спросил за спиной Кевин. – Подвал на месте, дыра дырой. Может, пойдем уже, а?

Я осторожно вышел в центр и надавил на край плиты носком ботинка. Многолетняя грязь удерживала ее на месте, но, когда я навалился всем весом, плита едва ощутимо качнулась. Будь у меня какой-нибудь рычаг, найди я в кучах мусора по углам железный лом или кусок металла, я бы ее поднял.

– Кев, – сказал я, – напряги-ка для меня память: крысы в стенах не той зимой, когда я уехал, подошли?

У Кевина медленно расширились глаза. В тускло-сером полосатом свете он казался прозрачным, как зыбкая проекция на экране.

– О господи, Фрэнк. Только не это.

– Я задал тебе простой вопрос. Крысы в стенах сразу после моего отъезда появились? Да или нет?

– Фрэнк...

– Да или нет.

– Фрэнк, это были просто крысы. Они тут кишмя кишели. Мы их миллион раз своими глазами видели.

Конечно, а как потеплело, от источника вони уже ничего не осталось и для жалоб домохозяину или коммунальщикам

не было причин.

– И запах чувствовали? Тухлятину?

– Да, – не сразу ответил Кевин.

– Пошли отсюда. – Я взял его под руку – слишком крепко, но пальцы сжимались сами собой – и подтолкнул вверх по лестнице вперед себя. Половицы гнулись и лопались у нас под ногами. Не успев выйти на крыльцо, под порывы холодного сырого ветра и мороси, я выхватил телефон и набрал номер знакомого криминалиста.

* * *

Эксперт, до которого я дозвонился, не выказал радости ни по поводу работы в выходной, ни от того, что я вытаскиваю его из нагретого гнездышка. Я сказал, что, по моей информации, в подвале дома шестнадцать по Фейтфул-Плейс под бетонной плитой спрятано тело (в пустячные подробности вроде дат я вдаваться не стал), что мне нужна бригада криминалистов и пара полицейских и что к тому времени, как они доберутся, я могу быть на месте, а могу не быть. Эксперт заблеял что-то насчет ордера на обыск, но я сообщил ему, что преступник нарушил границы частной собственности, а значит, не обладает правом на неприкосновенность частной жизни; когда он продолжил скулить, я добавил, что дом в любом случае находился в общем пользовании не менее тридцати лет, следовательно, считается де-факто общественным

местом по праву сейзины и ордер не нужен. Я сомневался, что мои аргументы будут благосклонно приняты¹⁴ в суде, но об этом можно было поволноваться и позже, главное – криминалист заткнулся. В своей мысленной базе данных я поставил против его имени отметку “Никчемный придурок” – на будущее.

Мы с Кевином ждали эксперта и его команду на ступенях студенческого общежития, расположившегося в доме одиннадцать, – достаточно близко, чтобы ничего не проглядеть, и достаточно далеко, чтобы, если повезет, никто не связал меня с назревающей заварухой. Я примерно представлял себе дальнейший расклад и хотел, чтобы Фейтфул-Плейс видела во мне вернувшегося кореша, а не копа.

Я закурил и протянул пачку Кевину. Тот покачал головой.

– Что мы тут делаем? – спросил он.

– Держимся в сторонке.

– А тебе разве туда не надо?

– Эксперты – большие мальчики, – сказал я. – И девочки.

Они знают свое дело, и мне необязательно держать их за руки.

Кевина все еще грызли сомнения:

– А нам не надо... В смысле, может, посмотреть надо было, что там, прежде чем полицию вызывать?

¹⁴ Сейзина – право на землю, сохранившееся в законодательстве некоторых европейских стран еще со Средних веков; согласно ему, земля или строение передавались тому, кто ими постоянно пользовался, по истечении 30 лет (поначалу было 10 лет).

Как ни странно, именно этот образ действий уже приходил мне на ум. Мне стоило предельного усилия воли не оттащить эту плиту. Я с трудом удержался и не откусил брату голову.

— Улики, — сказал я. — У криминалистов есть оборудование для их сбора, а у нас нет. Не хватало только все излапать. Если, конечно, там вообще что-то лежит.

Кевин привстал с мокрой ступеньки, ощупал брюки своего солидного костюма, в котором накануне приехал с работы, и сказал:

— По телефону ты разговаривал довольно уверенно.

— Хотел, чтобы они приехали. Сегодня, а не как-нибудь на следующей неделе, когда у них появится настроение прокатиться.

Я краем глаза поймал на себе растерянный, недоверчивый взгляд Кевина. Брат погрузился в молчание и, опустив голову, взялся отряхивать с брюк пыль и паутину; меня это вполне устраивало. В моей работе без терпения никуда, и я даже славлюсь своей выдержкой, но прождав, по ощущениям, с неделю, я начал подумывать, не отправиться ли в техотдел лично, чтобы оторвать эксперта от “Варкрафта” за недоразвитые яйца.

Из дома, ковыряя в зубах, вышел Шай и с ленцой двинулся к нам.

— Разнюхали чего-нибудь?

Кевин открыл было рот, но я его опередил:

– Не особо.

– Видел, ты к Калленам заходил.

– Ну.

Шай обвел взглядом улицу; я заметил, что его внимание привлекла приоткрытая, покачивающаяся на ветру дверь дома номер шестнадцать.

– Ждете чего-то?

– Присоединяйся, – я с улыбкой похлопал по ступеньке рядом с собой, – может, и узнаешь.

Шай фыркнул, но после минутного размышления поднялся по лестнице и сел наверху, вытянув ноги мне под нос.

– Тебя ма ищет, – сказал он Кевину.

Кев застонал, Шай рассмеялся и поднял воротник, защищаясь от холода.

Тут за углом раздался шорох шин по брусчатке. Я закурил очередную сигарету и развалился на ступеньках, изображая глуповатого, морально неустойчивого зеваку, – присутствие Шая очень помогло. Как выяснилось, в этом не было необходимости. В патрульной машине приехали двое копов, а из фургончика уже выпрыгивали три эксперта, никого из них я не знал.

– Господи, – тихо и беспокойно сказал Кевин. – Целый отряд. Это что, всегда...

– Это минимум. Потом, если понадобится, могут и подкрепление вызвать.

Шай протяжно, с деланным восхищением присвистнул.

Давненько я не смотрел на место преступления с внешней стороны заградительной ленты, будто агент под прикрытием или гражданский. Я уж и забыл, как выглядит наша бутафория во всей красе. Парни из техотдела, облаченные в белое с ног до головы, надели маски и, размахивая тяжелыми чемоданчиками со зловещими инструментами, поднялись по лестнице и исчезли в доме шестнадцать; волосы у меня на загривке встали дыбом, как у охотничьего пса.

Шай вполголоса пропел:

– Трижды постучали в дверь – горе, горе да беда два полисмена и сыскарь, да у речки, да у Сайи...¹⁵

Полицейские еще только развернули ленту и не успели даже привязать ее к перилам, а люди уже почуяли в воздухе кровь и поспешили на дармовое зрелище. Старухи в платках поверх бигудей материализовались из дверных проемов и скучковались для обмена комментариями и пикантными домыслами:

– Какая-то девица малыша родила и бросила.

– Господь с тобой, вот ужас! Слушайте, Фиону Моллой поперек себя шире разнесло, так, может...

¹⁵ Народная ирландская баллада об истории страшного детоубийства, которую на веселый манер распевают детские голоса. Ее корни уходят к традиции баллад об убийствах, в частности к известной балладе “Жестокая мать”, в которой рассказывается история, как мать заколола ножом своего младенца и тут же за ней явились три человека. В 1960-е годы песню записала популярная фольклорная группа “Братья Клэнси”, взяв в качестве названия припев *Weela Weela Walya*, а затем она стала очень популярной в исполнении знаменитой группы “Дублинцы”. Припев происходит от староанглийского *wellaway* (примерно “горе-беда”).

Мужчинам вдруг загорелось покурить на крыльце и поглядеть на погоду, прыщавые юнцы и разбитные малолетки с напускным равнодушием сидели на мостовой у тупиковой стены. Пацаны с ирокезами носились взад и вперед на скейтбордах и тарачились на дом шестнадцать, разинув рты. Один врезался в Салли Хирн, и та шлепнула его пониже спины. Семья Дейли вышла на крыльцо; мистер Дейли одной рукой обхватил плечи жены, удерживая ее рядом. Все это столпотворение действовало мне на нервы. Не люблю, когда невозможно сосчитать, сколько вокруг людей.

Жители Либертис бросаются на сплетни, что твои пираньи. Вот если в Далки какие-нибудь оголтелые криминалисты отважатся показаться без соответствующих бумажек, местные скорее умрут, чем дадут волю такой вульгарности, как любопытство, разве что какой-нибудь безрассудной любительнице острых ощущений позарез приспичит обстричь розы в палисаднике перед домом, а после передать все, что слышала, подругам за чашкой травяного чая, но в целом об инциденте там узнают следующим утром из газет. На Фейтфул-Плейс, напротив, вливаются информации прямо в горло. Старая миссис Нолан решительно ухватила одного из копов за рукав и, похоже, требовала исчерпывающих объяснений. Судя по физиономии полицейского, на курсах его к такому не готовили.

– Фрэнсис, – сказал Кевин, – там наверняка и нет ничего.
– Может, и нет.

– Серьезно. Наверняка я все только вообразил. Может, еще не поздно...

– Вообразил что? – спросил Шай.

– Ничего, – ответил я.

– Кев.

– Говорю же, ничего. Скорее всего, я вообразил...

– Что они ищут?

– Мои яйца, – сказал я.

– Надеюсь, они прихватили микроскоп.

– Ну нахрен, – с несчастным видом сказал Кев, потирая бровь и уставившись на полицейских. – Ребят, я больше не играю. Зря я вообще...

– Атас, – вдруг сказал Шай. – Ма.

Мы втроем быстро и слаженно соскользнули вниз по ступенькам, опустив головы ниже уровня толпы. Я мельком увидел маму из-за спин, она стояла на нашем крыльце, крепко сложив руки под грудью, буравя улицу пронзительным взглядом, словно твердо знала, что во всей этой свистопляске виноват я и уж она-то со мной поквитается так, что мало не покажется. Па стоял позади нее, вытаскивая из пачки сигарету и с безучастным видом озирая светопреставление.

В доме послышался шум. Один из экспертов вышел на крыльцо, показывая большим пальцем через плечо, и отмолил какую-то остроту. Полицейские заржали. Эксперт отпер фургон, порылся внутри и взбежал по лестнице с ломиком наперевес.

– Если он поковыряет там этой штукой, вся развалюха ему на уши рухнет, – сказал Шай.

Кевин продолжал ерзать, словно ступенька обжигала ему зад:

– А что будет, если они ничего не найдут?

– Тогда наш Фрэнсис попадет в немилость, – сказал Шай. – За то, что оторвал всех от работы. Вот будет досада.

– Спасибо за заботу, – сказал я. – Как-нибудь переживу.

– Ага, переживешь. Как всегда. Что они ищут?

– Может, у них спросишь?

Из дома одиннадцать, потирая голову и еле передвигая ноги, вышел косматый студент в футболке с *Limp Bizkit* – явно с внушительного перепоя:

– Че случилось?

– Иди в дом, – сказал я.

– Это наше крыльцо.

Я показал ему удостоверение.

– Хрена себе, – сказал он и, согнувшись под тяжестью вселенской несправедливости, потащился назад в общежитие.

– Правильно. Запугивай его ксивой, – сказал Шай, но уже по инерции. Щурясь от закатного солнца, он смотрел на дом шестнадцать.

Глубокий низкий грохот пушечным залпом прокатился по улице, отражаясь от домов и разносясь по Либертис, – упала бетонная плита. Нора вздрогнула и тихонько вскрикнула. Салли Хирн поплотнее запахнула кардиган и перекрести-

лась.

Тут я почувствовал, как задрожал воздух. Будто выплеснулся наружу электрический разряд, рожденный глубоко в чреве дома шестнадцать. Голоса экспертов поднялись и стихли, полицейские оглянулись на дверь, толпа качнулась вперед, над крышами сошлись тучи.

Кевин за моей спиной что-то сказал. Я разобрал свое имя. Оказалось, мы уже на ногах и он положил ладонь мне на руку.

– Отвали, – сказал я.

– Фрэнк...

В доме кто-то коротко пролаял приказ. Мне стало наплевать, узнают ли люди, что я коп.

– Оставайся тут, – сказал я.

Ограждение сторожил пухлый полицейский с чопорным, как у чьей-нибудь тетушки, лицом.

– Проходи, сынок, – сказал он мне; судя по акценту, родом он был из болотной глуши. – Тут смотреть не на что.

Я показал ему удостоверение, он прочитал, шевеля губами. На лестнице внутри дома раздались шаги, в подвальном окне промелькнуло чье-то лицо. Где-то мистер Дейли что-то кричал, но его голос звучал издалека и замедленно, словно доносился через длинную металлическую трубу.

– Вот тут вот, – сказал полицейский, возвращая мне удостоверение, – написано “спецоперации”. Мне не сообщили, что на месте будет кто-то из Спецопераций.

– Я сообщаю вам сейчас.

– Придется вам поговорить со следователем. Или с моим сержантом, или с кем-то из отдела убийств, в зависимости от того...

– С дороги, – сказал я.

Он поджал губы:

– Не надо со мной таким тоном разговаривать. Можете подождать там, где стояли, пока вам не разрешат...

– С дороги, или я тебе зубы в глотку вобью, – сказал я.

Коп выпучил глаза, но, сообразив, что я не шучу, посторожничал. Он еще перечислял, в каких нарушениях обвинит меня в своем рапорте, когда я, прыгая через три ступеньки, ворвался в дверь, задев плечом его ошарашенного сослуживца.

Самое смешное, в глубине души я ни секунды не думал, что они что-нибудь найдут. Я, прожженный циник, с высоты опыта наставлявший новичков, что мир всегда на два шага беспощаднее, чем ожидаешь, не мог поверить, что со мной это случится, – ни когда я открыл чемодан, ни когда качнул ногой бетонную плиту в сумрачном подвале, ни когда воздух заискрился от напряжения. В самой-самой глубине, вопреки всему, что я знал раньше и узнал потом, я все еще верил Розе. Я верил ей, пока спускался по ветхой лестнице в подвал; верил, когда увидел круг поворачивающихся ко мне лиц в масках в слепяще-белом свете фонарей и выкорчеванную бетонную плиту, вздыбившуюся под неестественным углом среди тросов и ломов; верил, когда вдохнул густую подзем-

ную вонь чего-то ужасно неправильного. Я верил до того момента, как протиснулся между экспертами и увидел, над чем они склонились: неровная яма, темный ком спутанных волос, лохмотья джинсовой ткани и гладкие коричневые кости со следами крошечных зубов. Увидев изящный изгиб руки скелета, я понял: когда под пластами земли, дохлых насекомых и гнили разложения найдут ногти, ноготь правого указательного пальца будет обкусан под корень.

Челюсти сжались так крепко, что, казалось, вот-вот раскрошатся зубы. Мне было все равно, даже хотелось услышать их хруст. Нечто в яме свернулось клубком, как спящий малыш, спрятав лицо, заслонив руками. Наверное, это спасло меня от безумия. Я услышал, как голос Розы произносит мне на ухо “Фрэнсис”, отчетливо и потрясенно, как в наш первый раз.

Кто-то буркнул что-то насчет порчи улики, чья-то рука сунула мне в лицо маску. Я попятился и с силой провел запястьем по губам. Трещины в потолке скользили, искривлялись, как на экране сломанного телевизора. Кажется, я услышал свой приглушенный голос:

– А, черт.

– Вы в порядке? – спросил один из экспертов.

Он стоял рядом, слишком близко ко мне, и, похоже, спрашивал уже не первый раз.

– Да, – сказал я.

– Пробирает поперву, да? – самодовольно спросил кто-то

из его команды. — Мы куда хуже видали.

— Это вы сообщили о трупe? — спросил меня эксперт.

— Я. Детектив Фрэнк Мэкки.

— Убойный?

Я не сразу сообразил, о чем он. Мозг застопорился до полной остановки.

— Нет, — сказал я.

Малахольный недомерок-эксперт — должно быть, тот самый никчемный придурок — вдвое уступал мне в возрасте и габаритах.

— Мы вызывали убойный, — странно посмотрев на меня, сказал он. — И судмедэксперта.

— Верняк, — радостно сказал его приятель. В руке у него был пакетик для улик. — Сама бы она сюда не полезла.

Если бы кто-то из криминалистов при мне дотронулся до Розы, я избил бы его до полусмерти.

— Молодцы, — сказал я. — Не сомневаюсь, что тяжелая кавалерия появится с минуты на минуту. Пойду помогу патрульным.

Поднимаясь по лестнице, я услышал, как придурок сболтнул что-то насчет дерганных туземцев и его команда дружно заржала, будто кучка подростков. На долю секунду мне показалось, что это Шай с приятелями курят в подвале косяк и смеются над черными шуточками, что за дверью прихожей ждет та жизнь, для которой я появился на свет, и ничего этого не происходило.

Толпа на улице стала больше и плотнее, теперь зеваки вытягивали шеи всего в нескольких шагах от моего приятеля – сторожевого пса. Его напарник спустился с крыльца и встал рядом с ним у перил. Тучи нависли над самыми крышами, изменившийся свет отливал угрожающей синюшной белизной.

По толпе прошла рябь: мистер Дейли пробирался к крыльцу, отодвигая любопытных соседей с дороги и не сводя с меня взгляда.

– Мэки... – Он попытался меня окрикнуть, но голос сорвался на глухой хрип. – Что там?

– Я отвечаю за место происхождения, – отрезал болотный монстр. – Отойдите.

Больше всего на свете мне хотелось, чтобы кто-то из них попробовал меня ударить, – неважно кто.

– Да ты за свои кишечные отправления не отвечаешь, – сказал я полицейскому, приблизившись почти вплотную к его большому рыхлому лицу. Когда он отвел глаза, я отпихнул его в сторону и пошел навстречу мистеру Дейли.

Как только я вышел за ограждение, он схватил меня за грудки и резко притянул к себе – подбородок к подбородку. Меня облило жаром чего-то похожего на радость: то ли у мистера Дейли яйца были покрепче, чем у копа, то ли он не

желал пасовать перед Мэкки, меня устраивало и то и другое.

– Что там? Что вы нашли?

Какая-то старуха восторженно взвизгнула, шпана заухла по-обезьяньи. Я сказал громко, чтобы достаточно свидетелей слышали, что я его предупреждал:

– Убери руки, приятель.

– Не смей, мелкий говнюк, не смей мне указывать... Там моя Роза? Да?

– Моя Роза, приятель. Моя девушка. Моя. Еще раз повторю: руки убери.

– Это ты виноват, гопник паскудный. Если она там, то из-за тебя.

Он таранил меня лбом с такой силой, что воротник врезался мне в шею. Вокруг начали скандировать:

– Махач! Махач! Махач!

Я крепко сжал его запястье, намереваясь сломать, но вдруг ощутил его запах, пот, дыхание – хорошо знакомый мне горячий, острый запах животного страха. Дейли почти потерял рассудок от ужаса. В этот миг я увидел Холли.

Вся краснота мигом схлынула, словно что-то сломалось под ребрами.

– Мистер Дейли, – как мог мягко сказал я, – как только что-то прояснится, к вам придут и расскажут. А пока что лучше идите домой.

Полицейские пытались нас разнять, болотное отродье подняло шум, но нам обоим было плевать. Вокруг глаз ми-

стера Дейли проступили бледные круги.

– Это моя Роза?

Я положил большой палец ему на запястье и нажал. Он охнул и выпустил мой воротник, но за секунду до того, как второй полицейский его оттащил, мистер Дейли тесно, как любовник, прижался челюстью к моей щеке и прошипел мне в ухо:

– Ты виноват.

Откуда-то появилась миссис Дейли и, некрасиво подвывая, напустилась на мужа и второго копа. Мистер Дейли обмяк, и его повели прочь сквозь бурлящую толпу.

Болотный придурок зачем-то вцепился мне в куртку со спины. Я хорошенько приложил его локтем, откинулся на перила, оправил рубашку и помассировал себе шею. Дыхание быстро восстанавливалось.

– Это тебе, сынок, так просто не сойдет, – угрожающе сообщил мне болотный, налившийся нездоровым багрянцем. – Рапорт-то я подам, так и знай.

– Фрэнк Мэкки, – сказал я. – С двумя “к”. Скажи, пусть сверху стопки положат.

Полицейский негодуя фыркнул, будто старая дева, гневно отошел, чтобы отыгаться на толпе, и принялся криками отгонять зевак, размахивая руками. Я мельком заметил Мэнди. Одну дочку она посадила на бедро, а вторую держала за руку – три пары круглых, потрясенных глаз. Супруги Дейли, держась друг за друга, на неверных ногах поднялись

на крыльцо дома три и исчезли за дверью. Нора прислонилась к стене, прижав ладонь ко рту.

Я вернулся к дому одиннадцать – место не хуже других. Шай закуривал очередную сигарету. На Кевине лица не было.

– Они что-то нашли, – сказал он. – Нашли ведь?

Судмедэксперт и труповозка ожидались с минуты на минуту.

– Да, – сказал я. – Нашли.

– Это?.. – Кевин надолго замолчал. – Что там?

Я достал сигареты. Шай, возможно выражая таким образом сочувствие, протянул свою зажигалку.

– Ты в порядке? – после паузы спросил Кевин.

– Лучше некуда, – сказал я.

Мы долго молчали. Кевин взял у меня сигарету; зеваки постепенно уgomонились и принялись обмениваться историями о произволе полицейских и обсуждать, подаст ли мистер Дейли заявление. Некоторые говорили вполголоса и косились на меня через плечо. Каждый такой взгляд я встречал не мигая, пока их не стало слишком много.

– Ну, держись, – негромко сказал Шай хмурому небу. – Старина Мэкки снова в городе.

Судмедэксперт Купер, желчный гаденыш с комплексом бога, приехал первым. Прикатив на большом черном “мерседесе”, он сурово взирав по верх толпы, пока воды не расступились перед ним, после чего величественно прошагал в дом, натягивая перчатки и оставляя за спиной нарастающий ропот. Пара безусых гопников в капюшонах подобралась к машине, но болотный придурок что-то неразборчиво им рявкнул, и они, не меняясь в лице, скользнули прочь. Кипучая, наэлектризованная Фейтфул-Плейс возбужденно гудела, словно перед взрывом.

Следующими приехали ребята из морга. Они вылезли из грязного белого фургона и, небрежно подхватив синие брезентовые носилки, направились в дом. Настрой толпы изменился как по щелчку. Коллективное озарение подсказало зевакам, что перед ними представление лучше любого постановочного реалити-шоу: все происходило всерьез, и рано или поздно на этих носилках кого-то вынесут. Ноги перестали шаркать, негромкий шепоток пронесся по улице легким бризом и затих. В этот момент – как всегда, своевременно – появились парни из Убийств.

Одно из множества различий между отделом убийств и отделом спецопераций – в нашем отношении к неприметности. Мы, спецагенты, придаем этому немалое значение и, ко-

гда нам охота поржать, обожаем смотреть, с каким шиком появляются ребята из убойного. Эти двое вылетели из-за угла на серебристом “БМВ” без опознавательных знаков (которых и не требовалось), резко затормозили, бросили машину под эффектным углом, синхронно хлопнули дверцами – наверняка репетировали – и пижонской походкой направились к дому шестнадцать под музыку из “Гавайев 5.0”, грохочущую в их воображении.

Тот, что помладше, юный блондин с мордочкой хорька, все еще отрабатывал походку и старался изо всех сил. Второй, мой ровесник, помахивал блестящим кожаным портфелем и вышагивал с самодовольным видом под стать модному костюму. Кавалерия прибыла – Снайпер Кеннеди собственной персоной.

Я знаю Снайпера еще по полицейскому колледжу. Во время учебы он был моим самым близким приятелем, что отнюдь не означает, что мы прониклись друг к другу особой симпатией. Большинство наших однокурсников были родом из таких мест, о которых я не слышал и слышать не хотел, в плане карьеры их амбиции не простирались дальше полицейской формы без сапог и возможности встречаться с девушками – помимо своих кузин. Мы со Снайпером были коренными дублинцами, и форма в наши долгосрочные планы не входила вообще. Мы заметили друг друга в первый же день и следующие три года пытались утереть друг другу нос во всем – от зачетов по физподготовке до снукера.

Настоящее имя Снайпера – Мик. Прозвищем его наградила я, и, как по мне, он еще легко отделался. Он обожал побеждать, наш Мик; я и сам обожаю, но умею быть деликатным. У Кеннеди была гнусная привычка: одержав любую победу, он вскидывал кулак и восклицал “Гол!” – как бы себе под нос, но вполне отчетливо. Несколько недель я терпел, а потом начал издеваться: “Ты постель заправил, Микки? ”Гол”? Очко засчитано? Снайперский удар, мяч в воротах? Ты вырвался вперед в дополнительное время?” Я ладил с парнями из глубинки лучше, чем он, вскоре уже все звали его Снайпер, и не всегда по-доброму. Он злился, однако держался невозмутимо. Как я говорил, я мог и что похуже изобрести, и он это знал. Сначала я подумывал назвать его “Мишель”.

Мы не слишком старались поддерживать отношения, вернувшись в большой и страшный мир, но, столкнувшись случайно, шли куда-нибудь выпить – главным образом, чтобы помериться достижениями. Он стал детективом на пять месяцев раньше меня, я обогнал его в переходе из резерва в отдел на полтора года; он первым женился, но и развелся тоже первым. В целом счет был примерно равный. А юный блондин меня не удивил. Большинство детективов убойного отдела работают с напарниками, но Снайпер, ясное дело, предпочел подпевалу.

Снайпер ростом почти шесть футов, примерно на дюйм выше меня, но держится как недомерок: грудь вперед, пле-

чи расправлены, подбородок вздернут. Худошавый брюнет с впечатляюще квадратной челюстью, он магнитом привлекает женщин, которые мечтают стать трофеем, но из-за того, что ноги у них растут не от ушей, звезды регби им не светят. Без слов понятно, что его родители называют друг друга “супругами” и скорее останутся без еды, чем без тюлевых занавесок. Выговор у Снайпера – тщательная подделка под верхушку среднего класса, вот только манера носить костюм выдает его с потрохами.

На крыльце дома шестнадцать он повернулся и оглядел улицу, оценивая накал того, с чем предстоит иметь дело. Меня он, конечно, заметил, но взгляд скользнул мимо, будто Снайпер никогда прежде меня не видел. Одна из многих радостей службы в отделе спецопераций – сотрудники других отделов никогда не знают, при исполнении ты или, скажем, погулять с приятелями вышел, а потому на всякий случай оставляют тебя в покое. Бедняге, ненароком засветившему агента под прикрытием, вздрючка от начальства покажется сахаром в сравнении с издевками, которыми встретят его в пабе дружки по службе.

Когда Снайпер и его миленок исчезли в темном дверном проеме, я сказал:

– Сидите тут.

– Я похож на твою сучку? – возмутился Шай.

– Только губками. Я скоро.

– Брось, – сказал Кевин Шаю, не поднимая глаз. – Он ра-

ботает.

– Строит из себя сраного копа...

– Да неужели! – Терпение Кевина, целый день исполнявшего братский долг, наконец лопнуло. – Тонко подмечено. Ну нахер все! – Он вскочил и, протиснувшись сквозь кучку Хирнов, быстрым шагом направился вверх по улице и скрылся из виду.

Шай пожал плечами. Я предоставил его самому себе и отправился за чемоданом.

Кевин куда-то запропастился, моя машина осталась невредимой, а когда я вернулся, Шай тоже смылся одному ему ведомо куда. Ма стояла на цыпочках у нас на крыльце и махала мне рукой, крича что-то явно срочное, – впрочем, ма всегда так делает. Я притворился, что ее не замечаю.

Снайпер стоял на крыльце шестнадцатого и – судя по всему, без всякого удовольствия – беседовал с моим любимым болотным придурком. Я зажал чемодан под мышкой и вклинился между ними.

– Снайпер! – Я хлопнул его по спине. – Рад тебя видеть.

– Фрэнк! – Он затряс мою ладонь обеими руками, в стиле мачо. – Так-так-так. Сколько лет, сколько зим. Говорят, ты здесь раньше меня успел побывать?

– Виноват, – сказал я, широко улыбнувшись полицейскому. – Я только краешком глаза взглянуть. Возможно, мне кое-что известно насчет этого дела.

– Господи, не дразни. Это же допотопный висяк. Если мо-

жешь дать нам хоть какую-то зацепку, я твой должник.

– Вот это мне по душе, – сказал я, оттесняя его подальше от болотного, который с раскрытым ртом ловил каждое слово. – Кажется, у меня есть для тебя наводка. По моим сведениям, это девушка по имени Роуз Дейли из дома три, пропавшая некоторое время назад.

Снайпер присвистнул, подняв брови:

– Класс. Описание есть?

– Девятнадцать лет, пять футов семь дюймов, фигуристая – стоунов десять, – длинные кудрявые рыжие волосы, зеленые глаза. Точно не скажу, но, когда она исчезла, на ней, скорее всего, была джинсовая куртка и высокие бордовые ботинки “док мартенс”. Совпадает с тем, что вы нашли?

– Не исключено, – уклончиво сказал Снайпер.

– Да ладно тебе, не темни.

Снайпер вздохнул, провел рукой по волосам и снова их пригладил:

– По мнению Купера, труп принадлежит молодой женщине и пролежал здесь от пяти до пятидесяти лет. До экспертизы больше ничего сказать нельзя. Криминалисты нашли горы неидентифицируемого мусора, пуговицу от джинсов и горсть металлических колец – возможно, от ботинок. Волосы могли быть и рыжими, трудно сказать.

Темная масса, пропитанная бог знает чем.

– Есть версии о причине смерти? – спросил я.

– Куда там. Купер, зараза... Знаешь его?.. Та еще сволочь,

если ты ему не нравишься, а меня он почему-то всегда недолюбливал. Пока он отказывается утверждать что-либо, кроме того, что – браво, Шерлок! – она мертва. По-моему, похоже, что ее несколько раз огрели по затылку кирпичом – череп проломлен, – но откуда мне знать, я всего лишь детектив. Купер гундел насчет посмертных повреждений и переломов сдавливания... – Внезапно Снайпер перестал разглядывать улицу и пристально уставился на меня: – А откуда такой интерес? Эта девица – информатор, которая вляпалась из-за тебя в дерьмо?

Меня всегда поражало, что Снайпера так редко бьют.

– Мои информаторы не получают по голове кирпичом, Снайпер, – сказал я. – Никогда. Они живут долго и счастливо и умирают от старости.

– Эй, полегче, – Снайпер примирительно поднял руки. – Прости, что под ногами путаюсь. Если она не из твоих, какая тебе разница, что с ней случилось? И хоть дареному коню в зубы не смотрят, но как ты вообще в это впутался?

Я рассказал ему все, что он так и так выяснил бы из других источников: первая любовь, полночное рандеву, брошенный герой стремглав уносится в холодный жестокий мир, чемодан, цепочка блестящих умозаключений. Когда я закончил, он смотрел на меня во все глаза с ужасом, к которому примешивалось нечто похожее на жалость, что мне совсем не понравилось.

– Охренеть, – сказал он, исчерпывающе описав ситуацию.

– Выдохни, Снайпер. Двадцать два года прошло. Факел давным-давно прогорел. Я здесь только потому, что моя любимая сестрица чуть до инфаркта себя не накрутила, что обломало бы мне все выходные.

– Да уж. Врагу не пожелаешь.

– Я позвоню, если захочется поплакаться в жилетку.

Он пожал плечами:

– Да я так, к слову. Не знаю, какие у вас порядки, но не хотел бы я объяснять такое своему начальнику.

– Мой начальник отзывчивый парень. Будь со мной поласковой, Снайпер. Я приготовил тебе рождественские подарочки.

Я передал ему чемодан и конверты с Дактилоскопической Фифи – Снайпер сработает быстрее, чем я, и без лишней мороки, тем более что мистер Дейли больше не представлял для меня задачу номер один. Снайпер осмотрел их брезгливо, будто боялся заразиться.

– И что ты собирался с этим делать? – поинтересовался он. – Если, конечно, не секрет.

– Показать кое-каким полезным друзьям. Просто чтобы понять, с чем мы имеем дело.

Снайпер поднял бровь, но промолчал. Повертел в руках конверты, прочитал надписи: Мэтью Дейли, Тереза Дейли, Нора Дейли.

– Думаешь, семья?

Я пожал плечами:

– Дражайшие родственнички. Надо же с кого-то начинать.

Снайпер поднял взгляд к по-вечернему темному небу. Решительно застучали первые крупные капли дождя. Толпа начала рассасываться, люди один за другим возвращались к своим делам, и только самые стойкие зеваки – подростки да старухи в платочках – еще держались.

– Я тут кое-что закончу, перекинусь парой слов с семьей девушки, а потом сходим пропустить по пивку, а? – предложил Снайпер. – Поболтаем, новостями обменяемся. Малыш пока тут сам за всем присмотрит, ему полезно попрактиковаться.

За спиной Снайпера, глубоко в недрах дома, раздался долгий гнетущий скрежет, какое-то уханье, по половицам гулко застучали ботинки. В путанице теней замечались смутные белые силуэты, из подвала поднимались всполохи адского огня.

Ребята из морга выносили свою добычу.

Старушки ахнули и перекрестились, упиваясь каждой секундой. Парни с носилками проследовали мимо нас со Снайпером, опустив головы под усиливающимся дождем, один уже брюзжал через плечо насчет дорожных пробок. Они прошли так близко, что я мог бы дотянуться до патологоанатомического мешка, бесформенной складкой лежащего на носилках. Мешок был почти плоский, будто пустой, и такой легкий, что они не чувствовали его веса.

Наконец санитары задвинули носилки в задние двери

фургона.

– Я на пару минут, – сказал Снайпер, проводив их взглядом. – Подожди меня.

* * *

Мы прошли несколько кварталов до паба “Черная птица” – достаточно далеко, публика сплошь мужики, так что туда новости еще не дошли. В этом кабаке меня когда-то впервые обслужили – мне было пятнадцать, и я отработал свой первый день, таская кирпичи на стройке. По мнению бармена Джо, раз ты делаешь мужскую работу, то и на добрую пинту право заслужил. Сейчас за стойкой стоял какой-то тип с накладкой на лысине, а муть сигаретного дыма сменилась настолько спертым духом перегара и пота, что хоть топор вешай. В остальном почти все осталось по-прежнему – те же потрескавшиеся черно-белые фотографии неизвестных спортивных команд на стенах, те же засиженные мухами зеркала за стойкой, те же стулья из кожзама с торчащими клоками набивки, горстка пожилых завсегдатаев на персональных барных табуретах и толпа парней в рабочих башмаках, добрая половина – поляки, а некоторые явно несовершеннолетние.

Род занятий написан у Снайпера на лбу, поэтому я посадил его за неприметный угловой столик, а сам отправился к стойке. Когда я вернулся с кружками, Снайпер уже достал за-

писную книжку и строчил что-то крутой дизайнерской ручкой – очевидно, ребята из Убийств не опускались до дешевых шариковых.

– Так, – сказал он, одной рукой захлопывая блокнот, а другой принимая кружку. – Вот, значит, какова твоя малая родина. Кто бы мог подумать?

Я слегка предостерегающе ухмыльнулся:

– А ты думал, я в особняке в Фоксроке вырос?¹⁶

Снайпер рассмеялся:

– Скорее наоборот. Ты же всегда давал понять, что ты, хм, соль земли, так сказать. Но ты так жилился на подробности, что я думал, ты родом из какой-нибудь паршивой многоэтажки. Я и не представлял ничего настолько... как бы это сказать... колоритного.

– Иначе не скажешь.

– По словам Мэтью и Терезы Дейли, тебя не видели в районе с тех пор, как вы с Роуз упорхнули.

Я пожал плечами:

– Наскучил местный колорит.

Снайпер нарисовал на пивной пене улыбающуюся рожицу.

– Ну так что, приятно вернуться домой? Хоть ты и не так себе это представлял?

– Если у случившегося и есть положительная сторона, в чем я сильно сомневаюсь, то не в этом.

¹⁶ Один из самых дорогих пригородов Дублина.

Он страдальчески глянул на меня, будто я пукнул в церкви.

– Тебе нужно научиться, – объяснил он, – видеть во всем позитив.

Я уставился на него.

– Серьезно. Возьми негатив и переверни в позитив. – Он поднял подставку под кружку и перевернул ее, иллюстрируя концепцию переворачивания.

В обычных обстоятельствах я бы живо довел до его сведения, что думаю по поводу его идиотских советов, но мне было от него кое-что нужно, так что я держал себя в узде.

– Просвети меня, – попросил я.

Снайпер разделался с улыбающейся рожицей одним большим глотком и погрозил мне пальцем.

– Восприятие, – сказал он, переведя дыхание, – это все. Если веришь, что ситуация может сыграть тебе на руку, так и будет. Улавливаешь?

– Не совсем, – сказал я.

От избытка адреналина Снайпер становится глубокомысленным, как некоторых от джина пробивает на слезу. Я пожалел, что упустил случай хлопнуть рюмашку.

– Это вопрос веры. Весь успех нашей страны строится на вере. По-твоему, недвижимость в Дублине и вправду стоит косарь за квадратный фут? Ни хрена! Но за столько она продается, потому что люди в это верят. Мы с тобой, Фрэнк, были на голову выше других. В восьмидесятые вся страна си-

дела в жопе, тьма стояла беспросветная, но мы верили в себя – мы с тобой. Вот почему мы сейчас там, где мы есть.

– Я оказался там, где есть, – сказал я, – потому что хорошо делаю свою работу. И от всего сердца надеюсь, что ты тоже, дружище. Потому что мне очень хочется, чтобы это дело было раскрыто.

Снайпер пробуравил меня взглядом, от которого было недалеко до рукопашной.

– Я охренительно хорошо делаю свою работу, – сказал он. – Просто зашибись как хорошо. Ты знаешь средний процент раскрываемости в отделе убийств? Семьдесят два. А мой личный процент знаешь?

Он дал мне время отрицательно покачать головой.

– Восемьдесят шесть процентов, сынок. Восемьдесят – читай и рыдай – шесть. Тебе повезло, что я сегодня здесь.

Я одарил его полной невольного восхищения улыбкой и кивнул, уступая ему победу:

– Да, пожалуй, так и есть.

– Вот именно, ядрена мать. – Выиграв поединок, Снайпер расслабленно откинулся на спинку диванчика, поморщился и с раздражением оглянулся на торчащую пружину.

– Возможно, – сказал я, подняв кружку и задумчиво рассматривая ее на свет, – возможно, нам обоим сегодня повезло.

– Это как? – с подозрением спросил Снайпер. Он знал меня достаточно, чтобы подозревать подвох в каждом моем

слове.

– Сам подумай, – сказал я. – Когда берешься за расследование, чего хочется больше всего?

– Чистосердечного признания, подкрепленного показаниями свидетелей и заключением криминалистов.

– Нет-нет-нет. Соберись, Снайпер. Ты мыслишь узко. Мне нужно, чтобы ты мыслил шире. Одним словом – что полезнее всего тебе как детективу? Что ты обожаешь больше всего на белом свете?

– Тупость. Дай мне пять минут с тупицей...

– Информацию. В любом виде, в любом качестве, в любом количестве – всякая сойдет. Информация – это оружие, Снайпер. Информация – топливо. Без тупости мы еще можем как-то извернуться, без информации нам никуда.

Снайпер пораскинул мозгами.

– Ну? – с опаской спросил он.

Я развел руками и ухмыльнулся:

– Ответ на твои молитвы, пареньь.

– Кайли в стрингах?

– На твои профессиональные молитвы. Любая информация, какую захочешь, какую сам никогда не добудешь, поскольку никто из местных ни в жизнь с тобой говорить не станет, и все задарма благодаря твоему самому любимому дрессированному наблюдателю – мне.

– Фрэнк, сделай одолжение и опустишься на секундочку до моего уровня, – сказал Снайпер. – Давай конкретно. Чего ты

хочешь?

Я покачал головой:

– Дело не во мне. Ситуация беспроектная. Перевернуть ее в позитив нам проще всего будет вместе.

– Хочешь участвовать в расследовании.

– Забудь, чего хочу я. Подумай о том, что хорошо для нас обоих, не говоря уже о деле. Мы оба хотим раскрыть дело, так? Разве не это самое главное?

С минуту Снайпер изображал раздумья, после чего медленно и удрученно покачал головой:

– Не выйдет. Прости, братан.

“Братан”? Черт, кто вообще так выражается? Я с вызовом улыбнулся:

– Боишься? Ты останешься главным детективом. В отчетах будет стоять твое имя. Мы в Спецоперациях раскрываемость не подсчитываем.

– Рад за вас, – спокойно сказал Снайпер, не проглотив наживку. С годами он научился лучше держать свое эго в узде. – Понимаешь, Фрэнк, я бы с удовольствием тебя подключил, но мой начальник ни за что на это не пойдет.

Начальник убийного отдела и правда не самый горячий мой поклонник, но я сомневался, что Снайперу это известно. Я вскинул бровь, изображая веселое удивление:

– Начальник не доверяет тебе самостоятельно подбирать команду?

– Нет, если я не могу обосновать свой выбор. Фрэнк, дай

мне что-то стоящее, чтобы предъявить ему. Поделись своей хваленной информацией. У Роуз Дейли были враги?

Я уже дал ему больше чем достаточно, но мы оба знали, что в моем положении не до споров.

– Насколько я знаю, нет. В том числе из-за этого мне никогда и в голову не приходило, что она умерла.

На лице у него отразилось сомнение:

– Она что, душой была?

– Куда умнее тебя, – шутливым тоном сказал я, предоставив ему самому решать, насколько я серьезен.

– Занудой?

– Отнюдь.

– Страхолюдиной?

– Первой красоткой в округе. По-твоему, у меня нет вкуса?

– Тогда готов поспорить, что у нее были враги. Зануда или уродина еще может никому не досаждать, но если у девушки есть мозги, внешность и характер, кто-то против нее обязательно ополчится. – Снайпер с любопытством взглянул на меня поверх кружки. – Розовые очки не в твоем стиле, Фрэнк. Ты, видать, здорово сходил по ней с ума?

Скользкая тема.

– Первая любовь, – сказал я, пожав плечами. – Давным-давно. Скорее всего, я ее идеализировал, но она действительно была отличной девушкой. Не представляю, кому она могла насолить.

– Никаких озлобленных бывших? И с подружками не ссорилась?

– Снайпер, мы ведь с Розы встречались несколько лет. С тех пор как нам шестнадцать стукнуло. Кажется, у нее была пара ухажеров до меня, но это же все детские игрушки – подержаться за руки в кино, написать имена на партах, а через три недели расстаться, потому что отношения стали слишком серьезными.

– Фамилии? – Снайпер вскинул свою блестящую детективную ручку. Кое-каких бедняг ждал неприятный визит.

– Мартин Хирн, тогда его звали Живчиком, хотя сейчас он вряд ли на такое откликнется. Жил в доме семь, очень недолго величал себя парнем Розы, когда нам было по пятнадцать. До этого был какой-то пацан по имени Колм, который учился в нашей школе, пока его родители не переехали назад в свои болота, а когда нам было лет по восемь, она поцеловала Ларри Суини со Смитс-роуд – на слабо. Сильно сомневаюсь, что кто-то из них до сих пор по ней сохнет.

– Как насчет ревнивых соперниц?

– А к чему ревновать? Розы не изображала фам фаталь, не заигрывала с чужими парнями. Может, я и завидный жених, но даже если кто-то и знал, что мы встречаемся, – а этого никто не знал – вряд ли какая-нибудь девица прикончила бы Розы, лишь бы заполучить мое горячее тело.

Снайпер фыркнул:

– Тут я с тобой согласен. Но, ради бога, Фрэнк, подна-

прыгись. Все, что ты мне сообщил, я узнал бы от первой попавшейся старой сплетницы. Если хочешь, чтоб я протащил твою кандидатуру через начальника, мне нужно что-то покруче. Дай мне пару мотивов, или грязные тайны жертвы, или... А, кстати! – Он щелкнул пальцами и ткнул в меня: – Расскажи про ту ночь, когда ты должен был с ней встретиться. Свидетельские показания. Тогда посмотрим, что можно сделать.

Другими словами, где ты находился вечером пятнадцатого, сынок. Было неясно, неужели он искренне считал, что я по своей глупости этого не уловлю.

– Справедливо, – сказал я. – В ночь с воскресенья на понедельник, с пятнадцатого на шестнадцатое декабря тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, я покинул свой дом по адресу Фейтфул-Плейс, номер восемь, приблизительно в пол-одиннадцатого и проследовал в верхний конец улицы, где у меня была назначена встреча с Роуз Дейли – примерно в полночь, если наши родные лягут спать и мы найдем возможность уйти незамеченными. Я оставался там где-то до пяти, до шести утра – под присягой за точное время не поручусь. Отошел только однажды, минут на пять, в третьем часу, когда зашел в дом шестнадцать проверить – вдруг мы недопоняли друг друга насчет места встречи и Роуз ждет меня там.

– Почему дом шестнадцать мог быть альтернативным местом встречи? – Снайпер делал заметки какой-то скоропи-

сю собственного изобретения.

– Мы думали насчет него, прежде чем решили встретиться в конце улицы. Это было обычное место сборищ, ребята вечно там встречались. Если хотелось выпить, или покурить, или пообжиматься, или что еще родители запрещали, а никуда больше по малолетству ходу не было, ты шел в дом шестнадцать.

Снайпер кивнул:

– Значит, поэтому ты искал Роуз там. В какие комнаты заходил?

– Я обошел все комнаты на первом этаже – поднимать шум было нельзя, так что позвать ее я не мог. Там никого не было, чемодан я не видел, да и вообще не видел и не слышал ничего необычного. Потом поднялся на верхний этаж и нашел на полу в самой правой комнате записку, подписанную Роуз Дейли. Из записки следовало, что она решила отправиться в Англию одна. Я оставил записку там.

– Да, я видел. Она никому не адресована. Почему ты решил, что она для тебя?

Я представил, как он пускает слюни над запиской и бережно кладет ее в пакетик для улик, и мне снова захотелось начистить ему рожу, а ведь мы еще не добрались до куда более толстого намека на то, что Роза сомневалась на мой счет. Мне стало интересно, что ему нарасказали обо мне Дейли.

– Мне это показалось логичным, – сказал я. – Ведь она со мной собиралась встретиться. Раз она оставила записку, то

вроде как мне.

– Она никогда не намекала, что передумала?

– Ни разу. – Я широко улыбнулся ему. – И у нас нет оснований для таких предположений, правда?

– Может, и нет, – сказал Снайпер, нацарапал что-то в блокноте и прищурился на написанное. – Значит, в подвал ты не спускался?

– Нет. Туда никто не ходил: темнота, все там держится на честном слове, крысы, вонища несусветная – мы туда не совались. У меня не было причин искать там Розы.

Снайпер постучал ручкой по зубам и перечитал записи. Я залпом выдул треть кружки и представил, стараясь не задерживаться на этой мысли, что Розы и правда была в подвале, пока я предавался любовным мукам наверху, в нескольких ярдах от нее.

– Итак, – сказал Снайпер, – несмотря на то, что ты принял записку Роуз за прощальное письмо, ты вернулся в конец улицы и продолжал ждать. Почему?

Его голос звучал мягко и спокойно, но в глазах я уловил упоение властью. Засранец наслаждался по полной.

– Надежда умирает последней, – я пожал плечами, – а женщины непостоянны. Я решил дать ей возможность передумать еще раз.

Снайпер этак по-мужски хмыкнул.

– Ох уж эти женщины! Значит, ты дал ей три или четыре часа, а потом поставил точку. Куда пошел?

Я вкратце рассказал про притон вонючих рокеров и щедрую сестру, забыв фамилии – на случай, если ему захочется кому-то докучать. Снайпер все записывал, а когда я закончил, спросил:

– Почему ты просто не вернулся домой?

– По инерции. Из гордости. Я по-любому хотел съехать, решение Розы ничего не изменило. Ехать в Англию одному мне не улыбалось, но и ползти домой, поджав хвост как болван, тоже. Я уже настроился свалить и не стал давать задний ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.